

The image is a monochromatic, blue-toned photograph of a landscape. In the foreground, there is a dense forest of bare, thin trees with intricate branch structures. In the middle ground, a layer of mist or fog obscures the view, through which several houses with dark roofs are visible. The background shows a line of trees under a pale, overcast sky. The overall mood is quiet and atmospheric.

Ольга Васильевна Ярмакова

Всё начинается утром

Ольга Ярмакова

Всё начинается утром

«Автор»

2014

Ярмакова О. В.

Всё начинается утром / О. В. Ярмакова — «Автор», 2014

Вы когда-нибудь задумывались над своими снами? Элен Киндмонд, обыкновенная студентка, никогда не предполагала, что после несчастного случая ей придется столкнуться с другой реальностью. Ей предстоят жестокие испытания в мирах, где она чужак и где на каждом шагу подстерегает смертельная опасность. Сумеет ли Элен выбраться из плена снов, или же навсегда окажется во власти комы?

© Ярмакова О. В., 2014

© Автор, 2014

Ольга Ярмакова

Всё начинается утром

«Раз так, идите. Есть и другие миры, не только этот».
Стивен Кинг. «Темная башня: Стрелок»

*Скажи, друг, знание этого низшего мира –
Ложно иль истинно, причинно оно?
Скажи, кто из смертных стремится познать лживость быта?
Кто Истину знал, и кто видел Его?*

*Кто тайну познал? Кто ее раскрыл всему Миру?
Откуда, откуда творения все?
Кто знает, откуда величье созданий, великое диво?
Он знает, но может быть знает не все.*

*И был Ты, когда свет подземный темницу пробил.
Ты тот, чем был изначала всегда.
Вне времени быта и царств Ты в пространстве парил.
О, мысль бесконечная, Вечность Моя!*

«Каждый из нас, абсолютно каждый рождается индивидуальной личностью, то есть с определенным характером, естественно-внешними отличиями, связанными с генным набором. Но есть кое-что, что нас примиряет и приравнивает. Не что иное, как начала, вернее, два начала – добра и зла.

Может это выглядит на первый взгляд наивно и глупо, пусть, но если присмотреться, то в действительности так оно и есть. Добро и Зло заложены в любом человеке при рождении в одинаковой пропорции – пятьдесят на пятьдесят. По увеличению возраста любой из нас сам контролирует чаши мер в ту или иную сторону, борясь с любой из сторон.

Не рождается злых и бессердечных, жестоких и кровожадных людей, как и в той же мере добрых, любящих, нежных и так далее. Нет, человек сам решает, чья сторона, чья чаша весов ему близка, что ему дорого и нужно, за что он хочет бороться всю жизнь. Либо выбирается легкий путь Зла (Тьмы) без борьбы или проиграв её, либо сложный Добра (Света).

В книге одного писателя, как нельзя лучше сказано: «Нам не дано выбрать абсолютную истину. Она всегда двулика. Всё, что у нас есть, – право отказаться от той лжи, которая более неприятна. Погасить в себе свет гораздо легче, чем рассеять тьму».

Поэтому каждый для себя должен решать: стоит ли бороться за доброе начало в себе самом или просто опустить руки и поддаться Тьме, раствориться в ней без остатка и пропасть не только для всех, но, в первую очередь для себя».

Запись из дневника Лизы-наблюдателя

Все хрупко и может измениться в одно зыбкое мгновение.

Да уж, Элен Киндмонд познала это в полной мере теплым майским утром, ожидая автобус на остановке недалеко от дома. Если бы она только знала, что произойдет через пару минут...

Она стояла недалеко от края тротуара и думала о предстоящем экзамене. Ночью прошел обильный дождь, и вокруг было много луж, которые оккупировали маленькую остановку с лавочкой и навесом, а единственный подходящий подсыхающий островок суши был как раз у самого проезжего края. Солнце уже старательно высушивало проделки дождя, но людям, спешившим на работу и по делам, некогда было ждать, когда высохнут все лужи и посему они кучковались там же, где была и Элен.

Подставив лицо утреннему солнцу, зажмурив от удовольствия глаза, она улыбнулась и вспомнила, что сегодня вечером они с сестрой пойдут кататься на велосипедах в парке, а на выходные родители обещали устроить небольшой сюрприз для их младшей дочки-студентки. Сегодня последний экзамен, который был лишь формальностью, так как девушка была лучшей в своей группе на втором курсе и преподаватель заочно поставила ей отличную отметку. Да, день прекрасный, то, что надо. Впереди целое лето, столько всего увлекательного, столько сюрпризов и возможностей. Глаза зажмурились еще сильнее, а улыбка стала шире от нарастающего предвкушения.

Элен не услышала визг тормозов и крики людей, стоящих рядом с нею, все произошло мгновенно. Легковая машина, шедшая на превышенной скорости, не смогла справиться с поворотом и влетела в тот самый островок людей, мирно ждущих автобус. Это произошло слишком быстро. Счастливая девушка еще мгновение стояла с закрытыми глазами и улыбалась начинающемуся дню, когда она их открыла, вокруг было темно. Темно и пусто.

– Элен, услышь меня, прошу! – далекий голос звал девушку и она пошла, не понимая, как попала сюда, что произошло и где она.

– Кто ты? Кто ты? – тонул голос Элен во тьме. – Куда мне идти?

Затем мрак стал редеть и светлеть, становясь серым.

В больничном холле рядом с кофейным аппаратом находились три человека в напряженном ожидании. Высокий худощавый мужчина лет сорока, скрестив руки на груди, молчаливо стоял, прислонившись спиной к стене, и сосредоточено смотрел себе под ноги. Рядом на миниатюрном диванчике сидели, обнявшись две женщины, внешне очень похожие, но только возраст выдавал в одной старшинство как минимум вдвое.

– Мам, как такое могло произойти с ней? Это же несправедливо. Еще утром человек ничего не подозревая, ждал автобус, чтобы уехать в университет и вдруг такое! Как же быстро все меняется. В мгновение. Мечты, ожидания, надежды – все становится зыбким и эфемерным. Как такое могло случиться? – голова девушки покоилась на материнском плече, а слова едва уловимым, но сердитым шепотом долетали до уха женщины.

– Я знаю, Оли, я знаю, у меня самой не укладывается в голове такая несправедливость. Но мы должны быть сильными, как наша Эли, мы должны надеяться. Еще немного и врач придет, надо верить, милая, иначе никак. – проговаривала в ответ женщина, еще заботливее обнимая дочь и поглаживая ее по каштановым волосам, собранным в длинный хвост. – Дорогой, все будет хорошо, вот увидишь, она у нас крепкая девочка.

Мужчина лишь на секунду оторвал взгляд от пола и, рассеяно глянув в сторону обеих женщин, выдавил из себя:

– Надеюсь, Он тебя услышит, Лиза, и так и будет.

В холл вошла женщина в докторском халате, устало и не спеша она направилась к дежурной медсестре, сидевшей в другой части помещения. Та о чем-то проинформировала кратко врача и указала в сторону троицы.

– Здравствуйте, вы родственники Элен Киндмонд? – сухо спросила врач у семьи, подойдя к диванчику, на бейджике, прикрепленному к верхнему карману, было выгравировано «Р. Брайт».

– Да, мы родители, Элен. – женщина оживилась и тут же встала с дивана. – Что с ней? Как она?

– Меня зовут Ребекка Брайт, я лечащий врач вашей дочери. Была проведена сложная операция, у пациентки серьезная черепно-мозговая травма. Сейчас она переведена в палату интенсивной терапии. К счастью не задеты остальные жизненно-важные органы. Ей очень повезло, отделалась она ушибами и царапинами. Другим трем так не повезло. Но должна вас предупредить, что она находится в травматическом коматозном состоянии, и ее жизнь поддерживается аппаратом искусственной вентиляции. Она не в состоянии самостоятельно дышать.

– Она в коме? Это надолго? – перебил Ребекку Брайт отец семейства.

– Да, это кома. Вы должны понимать, травма очень серьезная, пациентку доставили уже в таком состоянии, мы сделали все возможное.

– Но, доктор, вы уверены, что больше ничего нельзя сделать?! – мужчина прижал заплакавшую и уже не сдерживавшую эмоций жену, вторая дочь стояла рядом, бледная, глаза влажные, нижняя губа иссушена до крови и руки нервно теребили сумочку.

– Здесь время нужно. Может неделя, месяц, а может полгода. – спокойно продолжала врач. – Кто знает, мозг – самая таинственная часть человеческого организма. Приходите к ней и разговаривайте. Пациентка должна вас слушать. Чаще всего выздоровление происходит на восприятие голоса близкого человека. Но верных рецептов нет. Вам нужно запастись терпением и надеждой. Не отчаивайтесь. Если эта девушка выжила в такой ужасной аварии, то она очень сильная и обязательно вернется к вам. Вопрос во времени.

Навестить пациентку разрешили только одному из родственников и всего на несколько минут. В палату тихо вошла мама больной, быстро утирая ладонями влажные следы на лице. Дочь не должна видеть ее такой слабой в данный момент, мать всегда для ребенка остается сильной, чтобы не происходило.

Ее дочурка, малышка Эли, лежала на больничной койке, в специальной накидке укрытая простыней до груди; руки, испещренные красновато-лиловыми ссадинами и утыканные электродами и трубками, по которым перегонялось лекарство из капельниц, безжизненными плетями покоились поверх белоснежной простыни. Неестественная бледность лица, синяки с кровоподтеками и рассеченная верхняя губа добавляли в общую картину дополнительное ощущение отсутствия жизни в столь хрупком теле. Лишь аппарат, от которого теперь всецело зависела жизнь девушки, тихо подавал звуковые сигналы, а на мониторе стабильно пробегала кривая линия, сердце работало без сбоев.

Луиза Киндмонд подошла к дочери, остановилась в нерешительности и зажала рукой рот, из которого уже готовы были вновь вырваться рыдания. Слезы вновь подступили к глазам, и в носу защипало, но женщина усилием воли справилась с нахлынувшим отчаянием и зашептала, стараясь придать голосу нужное сейчас спокойствие и силу.

– Доченька, малышка моя. Как же так произошло? Почему именно с тобой, моя Эли? Если ты меня слышишь, а я надеюсь, что слышишь, пожалуйста, вернись ко мне моя дочурка. Как я без тебя буду? Как мы все без тебя будем? Доктор сказал, что шанс есть на выздоровление. Слышишь, есть! Не покидай меня, папу и сестру. Они так переживают за тебя! Ты нам всем очень-очень нужна, дорогая. Пожалуйста, услышь меня, солнышко, – мама осторожно коснулась пальцев правой руки дочери и очень нежно их погладила. – Я буду приходить к тебе каждый день, моя милая. Мы все будем приходить. Мы будем ждать твоего возвращения и выздоровления. Я люблю тебя, доченька.

Мать медленно наклонилась над лицом дочери и задержала взгляд на любимых и родных чертах. Вздохнув, она осторожно коснулась губами бледного лба, и резко отстранившись, быстро вышла из палаты, не оборачиваясь.

Все страдания, слезы и горе остались за белой больничной дверью, а в тишине лежала девушка, которая в действительности не слышала тех слов, что ей говорила мама. Потому что Элен Киндмонд не было в палате. Ее, собственно говоря, и в теле уже не было. Девушка спала. Но сны, которые она видела, уводили ее все дальше от ее мира, от семьи и от тела.

*О, месяц ясноликий,
Плывущий в небесах,
Ты светишь очень ярко,
Ты спишь в моих глазах.*

*Ты освещаешь душу,
Заблудшую в пути.
Своим небесным светом
Ты можешь все спасти.*

*Счастливый милый месяц!
Пожалуйста, скажи,
Когда придет то время
И буду я в пути?*

*Когда найду дорогу
К туманам и снегам,
Пустыням и верховьям
И к свергнутым царям.*

*О милый, милый месяц!
Молю тебя скажи,
Открой мне жизни тайну
И душу наслади.*

*Я мучаюсь томленьем
И жду, что скажешь ты,
Надеюсь, ты откроешь
Мне вечные мечты.*

*Но ты молчишь, не скажешь
И не раскроешь мне
На вечные вопросы
Ответ о бытие.*

*Окинешь взором, молча
Ты Землю, Солнце – Мир
И мило улыбнешься
На мой немой призыв.*

Я знаю, милый месяц,

*Что любишь ты меня,
Но тайн ты не раскроешь,
За что люблю тебя.*

ПОДЛУННЫЙ ЛЕС

В палате интенсивной терапии у постели недвижно лежавшей с закрытыми глазами пациентки, сидела девушка, с опухшими от слез глазами. Склонив голову, она нежно держала в своих пальцах безжизненную бледную ладонь той, что «спала». Посетительница тихим, но бодрым голосом разговаривала с лежавшей и не реагирующей на ее слова пациенткой, время от времени, прикладывая ее ладонь к своей щеке и губам и, в немой надежде взывала к «спавшей» подруге.

– Привет, сестренка. Как ты? Долго спишь. Тебя Кэрри заждался дома, тоскует, кричит, трясет клетку и требует свою любимую хозяйку домой. Папа очень переживает, весь в себя ушел, стал вспоминать, какой ты была в детстве проказницей. И мама себе места не находит. Скучно без тебя дома, Эл, очень скучно.... Мне не с кем на роликах гонять в парке. Эй, напарник, ты мне нужен, слышишь?.. Тут заходили твои друзья, Рэйч и Рут с Билом и скромнягой Шоном. Хотят к тебе заглянуть в самое ближайшее время. Кстати, не знаю, догадываешься ты или нет, но я, просто уверена, что Шон по уши в тебя влюблен. Он засыпал меня вопросами о тебе, больше всех переживает. Хороший мальчик, когда проснешься, не спи дальше, а бери инициативу в свои руки, парень то стеснительный жутко. Про университет не беспокойся, там все уладили. Да и каникулы уже скоро, оторвемся на них, сестренка, как думаешь? Конечно, оторвемся. Эл, у нас столько планов, помнишь, про поездку на озеро? Мы же ее всю зиму планировали, я знаю, что ты ни за что не пропустишь ее, я на тебя рассчитываю, подруга...

Худенькая фигурка прорисовывалась под больничным одеялом. Трубки капельницы и аппарата жизнеобеспечения обвили гибкими змеями тонкие, покрытые синяками и ссадинами, руки. Голова неподвижно лежала на плоской подушке, подчиняясь глубокому сну разума. Лицо, обращенное к потолку, обрамлялось стекавшими вниз по подушке, словно масляными мазками по холсту, длинными волосами каштанового цвета. «Спящую красавицу» можно было признать миловидной из-за утонченных черт: плавной линии бровей; прямого, даже чуть острого носа; тонких, но изящного контура алеющих губ и узкого с мягкой впадинкой подбородка, с окаймлением четко выступающих скул. Лишь глаза были закрыты и недоступны обзору окружающих. Девушка, сидевшая рядом, знала, что у сестры глаза были серого цвета с необычным оттенком, который был сравним лишь с лесным камнем, который, в прохладной тени мхом бархатным обрастает, как мантией. Но, то был взгляд художника, для остальных же глаза ее младшей сестренки всегда были обычными серыми с теплой ноткой внутри.

Посетительница вдруг улыбнулась, лицо ее преобразилось и просветлело, а глаза затуманились. Тишину палаты нарушил легкий девичий смех, добрый и по-своему неожиданный.

– Эл, а помнишь, когда мы были маленькими, нам родители не разрешали смотреть ужастики по телевизору, якобы кошмары будут сниться и все-такое. А мы с тобой нагляделись зимой в выходные фильмов о мумиях, помнишь, а когда на другой день возвращались домой от моей подружки Лизы поздно вечером, то шарахались от каждой тени, вот умора была. Ты тогда уже была храбрее меня, сестренка. Я помню, подобрала ты под каким-то деревом увесистую палку и всю дорогу держала ее на изготовке, готовая к обороне, а я прижималась к тебе. Тогда вроде только семь лет тебе исполнилось, но ты такая смелая и шустрая была! Да впрочем, Эл, ты такой родилась – маленькая сильная и смелая. Моя любимая сестренка, мой маленький воин. Это не с меня, а с тебя пример нужно брать, хоть ты и младшая. А сколько мы с тобой натворили дел вместе в детстве! Инициатором была ты, и всегда было так весело.

Бедные мама и папа. Сколько нервов они потеряли из-за наших проделок. Без смеха не вспомнишь. Слышишь, Эл, просыпайся, пожалуйста. Ты мне нужна. Очень-очень....

Сначала вокруг все было серым, вернее бы было сказать дымчатым. Элен брела в густом смоге не весть взявшимся откуда-то. Туман был таким плотным, что ощущался физически – он забивался в глаза, нос, лез в уши, казалось, что еще немного и туман вберет в себя девушку, и она растворится в нем без остатка. И когда паника уже начала подбираться к ней хищной кошкой и готова была вцепиться в легкие, лишая драгоценного воздуха, туман начал рассеиваться и редеть.

Как ведут себя люди, когда попадают в сложную и пугающую их ситуацию? Кричат и зовут о помощи или молчат и пытаются выпутаться самостоятельно из сложившегося выхода. Элен Киндмонд относилась ко второй категории людей, она считала глупым, вопить что есть мочи, и призывать невесть кого. Просто глупо и нелепо и не по ней это. Нет, сама она бы откликнулась с готовностью тому, чей голос ее позвал бы, но сама, считала она, должна действовать самостоятельно и обязательно молча, ведь иногда только так можно пройти мимо монстра и остаться незамеченным им.

Но вместо ожидаемого света Элен вступила во тьму. Тьму лесную. Девушка шла вслепую, ступая по неровной покрытой сухими веточками и листьями земле. Выставляя впереди себя руки, она натыкалась на густые кустарники и стволы высоких деревьев. В лесу стояла подозрительная тишина. Ни сверчков, ни сов, ничего не слышно. Только шаги девушки отдавали хрустом раздавленных сухих веток. Элен не испытывала страха или тревоги, она шла в каком-то полу осознанном состоянии и даже не представляла куда именно идет и зачем. Ее глаза постепенно привыкли к темноте и стали различать стволы деревьев и кустарники, меж которыми она плутала. Поэтому она уже могла идти быстрее и действовать увереннее. Девушка не знала сколько прошло времени с того момента, как она вышла из тумана, да ее это не особо и волновало. Но не долго.

Нога запнулась за спрятавшуюся в листве корягу, и путница упала наземь, растянувшись во всю длину и лишь чудом успев укрыть лицо от болезненного удара. В нос ударил терпкий и влажный запах прелой листвы вперемешку с жирной и вязкой землей, оставившей на ладонях и одежде въедливые отметины.

– Что это на мне? – Элен недоуменно ощупывала края длинного и пышного одеяния, сидя поверх смутно видневшихся листьев и не заботясь о чистоте. – Где я?! Как я здесь оказалась?

Голос ее потонул в нараставшем изнутри страхе, новом ужасе, которому не было логического обоснования и, как она понимала, не будет. «Бежать!» – вот, что ее начало поглощать и попыталось кинуть невесть куда во тьму, где она бы точно свернула бы себе шею, но что-то изнутри ее сковало до сильнейшего оцепенения и холодный здравый рассудок постепенно начал вытеснять метавшуюся во все стороны панику. Это давалось не так просто и легко, сердце бешеными толчками прогоняло кровь, заряженную слоновьей дозой адреналина, и в какой-то момент девушке стало трудно дышать, казалось, что грудь разорвет боль, с каждым вдохом тисками сжимавшая легкие все сильнее.

Глаза мокрые и на выкате от ужаса и отчаяния, а больше от непонимания и губы, беззвучно взывавшие к тишине, выдыхали одно лишь слово белесой струйкой пара: «Мама».

Элен попыталась призвать на помощь память, чтобы логически связать свое пребывание в лесу да еще ночью и одной в нелепом на ее взгляд наряде. Кофта, джинсы да кроссовки – вот что нужно тому, кто заблудился в лесу.

Но все ее старания натыкались на стену, барьер из черноты и безмолвия – ни проблеска, ни единого звука, ни единого воспоминания, ничего. Нет, конечно, она помнила, кто она и всю

свою предыдущую жизнь помнила, но до вчерашнего вечера, когда преспокойно легла спать в предвкушении следующего дня. А потом сплошная пустота, провал. Будто кто-то стер важный кусочек ее жизнь, как кнопкой на магнитофоне запись с пленки.

Страх и замешательство сменили досада и бешенство от бессильных попыток пробиться в прошлые воспоминания. И еще это платье! Она точно помнила, что у нее никогда не было такого наряда в гардеробе. Ни у нее, ни у сестры и тем более у мамы. Да и у подруг был совсем иной вкус на женские платья. А это было чересчур помпезным, длинным и неудобным, даже вычурным каким-то. Но в темноте многого не разглядишь, да и сидя на одном месте много не сделаешь, надо было идти куда-нибудь.

Сделав несколько шагов в выбранном наугад направлении, она почувствовала тупую боль в лодыжке той ноги, которой зацепилась за корягу. Ступать теперь она могла крайне осторожно, ибо пострадавшая нога при каждом шаге отдавала болезненным покалыванием.

Идти было неудобно, не то слово, приходилось балансировать на здоровой ноге, прихрамывая на поврежденную, и стараться не запутаться в тяжелом и длинном подоле платья, которое было непомерно длинным и волочилось шлейфом, цепляясь за кусты и корни деревьев. Вдобавок ко всему девушка начала замерзать, так как верх наряда представлял собой открытый топ без лямок, а посему плечи, декольте и руки были обнажены и открыты ночному прохладному воздуху.

Ёжась и растирая попеременно плечи, Элен брела в неведомом направлении, а в голове всплывали картины ее ушедшего детства. Вот ей три годика и они всей семьей прогуливаются воскресным днем по городскому парку. На улице июнь, солнечно и даже припекает, но они этого не замечают, им весело и они счастливы. Папа купил всем по «мороженке» и успел испачкать мамин нос, поднеся слишком близко рожок к ее лицу. Но она не рассердилась, а наоборот, рассмеялась, и заговорщицки подмигнув Элен и ее старшей сестренке Олиф, с невинным лицом приблизилась к провинившемуся папе и отомстила, метко обмакнув его кончик носа в свой рожок мороженого. Что тут началось! Родители смеялись и резвились, словно дети, пытаясь, как можно больше перепачкать друг дружку холодной сладостью, а девочки, глядя на проделки взрослых и заразившись их игривостью, стали мазюкать друг дружку, смеясь и получая удовольствие не меньшее, чем папа с мамой. А закончилась эта баталия всеобщими объятиями и поцелуем родителей. Элен до сих пор помнила, с какой нежностью папа смотрел на перепачканное мамино лицо и как светились мамины глаза в ответ. В тот день всей семье пришлось раньше положенного времени принять водные процедуры и устроить стирку «замороженных» вещей, как прозвал их после шутливой баталии отец, но впервые это было похоже на маленький праздник.

Вот Элен минуло семь лет, и она в страхе ожидает в своей комнатке наказания за содеянное, как ей кажется, страшное преступление. В попытке достать из верхнего шкафчика на кухне запрятанные мамой в стеклянную коробочку конфеты, девочка не удержав, выронила ту, которая разлетевшись, наверное, на миллион осколков рассыпала свое пестрое содержимое по кафельному полу. Ох, и взбучка же ее ждет! Коробочку подарила маме тетя Анна, мамина сестра, и мама дорожила этим подарком, протирала и держала в ней только самые вкусные конфеты. А тут Элен со своей неуклюжестью. Дверца комнатки приоткрылась, и мама прошла к кровати, на которой с заплаканными глазами сидела ее младшая дочка с самым несчастным видом.

– Что случилось, Эли? Почему твои глазки красные и мокрые от слезок? – поинтересовалась мама тогда.

– Мамочка! Мне так жаль! Я не хотела, она сама выпала из рук и разбилась! Прости меня, пожалуйста, мамуля! Я так больше не сделаю. – Девочка не выдержала и расплакалась.

– Что разбилось, дорогая? Успокойся и расскажи?

– Твоя любимая коробочка, в которой ты держишь конфеты. Я знаю, что это подарок тети Анны и он тебе дорог. – Сквозь рев ответила дочка.

– Ты не порезалась, моя сладкоежка? – Мама и не думала сердиться вопреки страхам Элен.

– Нет, но твоя коробочка...

– Да ну ее. – Мама осторожно взяла маленькие ладошки девочки в свои теплые и мягкие ладони и, убедившись, что на них нет ни единой царапинки, продолжила. – Мне она никогда не нравилась, милая, поэтому я ее убирала в верхний шкафчик подальше, чтобы она мне глаза не мозолила. У тети Анны никогда не было фантазии и вкуса по части подарка, а ты даже сделала мне одолжение. Теперь не плачь, успокойся, Эли, пойдем, приборем осколки на кухне, чтоб никто не поранился, а потом ходим с тобой в магазин и выберем самую красивую коробочку под самые вкусные конфетки. Согласна? – Мама смотрела на нее с такой нежностью и теплотой, что нахлынувшее чувство облегчения и затопившей изнутри безграничной любви вылились в крепкое объятие вокруг маминой шеи и самого искреннего детского поцелуя.

– Ты самая лучшая в мире мама.

А потом они прибрались и пошли в магазин, где выбрали под сладости жестяную, на случаи будущих падений, банку, которая стояла отныне в центре стола, и мама знала, что конфетами злоупотреблять ее дети не будут потому, что им это уже и не требовалось. Все основывается на доверии.

Когда Элен исполнилось десять лет, она рассталась с детством. В семействе Киндмонд жил большой лохматый бобтейл по кличке Шустрый, любимец и полноправный член семьи. У него даже была своя «комнатка» – специально переделанная под него кладовка, но каждую ночь он верно сторожил сон своей любимицы Элен. К тому моменту Шустрому было восемь лет, и был он в отличной форме, но так уж сложилось, что в тот вечер октября, накануне Хэллоуина его шустрость подвела его и не уберегла от проезжавшей машины. Пес был еще жив и тяжело дышал, когда папа уложил его на заднее сидение машины. Элен сидела рядом и гладила взлохмаченную шею на голове любимца, успокаивая его и себя. А Шустрый лишь тихонько скулил и не сводил грустного взгляда с любимой хозяйки. В больнице она узнала первый удар в жизни – Шустрый не перенес операцию и умер; слишком тяжелыми оказались ранения для пса. Мама успокаивала дочек как могла, папа, молча, сидел рядом и смотрел пустыми глазами в никуда, теребя в руках свободный ошейник.

– Это несправедливо! Шустрый должен жить и бегать, он же такой сильный и большой! – Элен никак не могла принять факт смерти.

– Я знаю, дорогая, я знаю. Но уже ничего не исправишь, милая, нашего песика не вернуть. – Отвечала мама, у нее по щекам растеклась тушь.

– Этот человек, который сбил Шустрого, он заслуживает смерти! – Выдавила со злостью Олиф, старшая сестра Элен.

– Никогда так не говори, Оли, и не думай. Этот мужчина не виноват. Он же извинился и расстроился не меньше нас, ты же видела. Просто Шустрый выбежал на дорогу не вовремя. Это судьба, случай.

– Не хочу ничего такого слушать! Он виноват, и только он! – Олиф закрыла ладошками лицо и разрыдалась.

– Не вини никого, милая, этим все равно не вернуть нашего Шустрика.

А на другой день они поехали в лес, выбрали небольшую полянку и под ветвистым дубом похоронили со всеми полагающимися почестями пса. И когда Элен положила на свежий холмик резиновый желтый мяч размером с кулачок, любимую игрушку Шустрого, то именно в тот самый момент детство внутри нее оборвалось, как сорванный цветок, и она поняла, что ребенком быть в мире взрослых не имеет смысла, если не можешь оградить своих близких от смерти. Хотя разве так уж всеильны взрослые?

Детские воспоминания, светлые и радостные, горькие и печальные, набегали теплыми мягкими волнами, оставляя после себя странное послевкусие чего-то ушедшего и полузабытого. На лице Элен сменялись аккордами оттенки чувств, давно прожитых и поблекших от времени, но сейчас вновь обретших силу и цвета, то расцветая улыбкой, а, то и извлекая из глубин давно выплаканные детские слезы.

«Наверное, когда воспоминания начинают сплошным потоком накатывать и оживать внутри, то это может означать приближение скорой смерти. Ведь недаром же утверждают, что вся жизнь пролетает перед глазами за миг до кончины». – Размышляла она.

Но в том-то и была штука, что дальше детства воспоминания не проявлялись. Ни отрочества, ни юности. Почему-то именно детские воспоминания оживил и возродил внутри Элен этот мрачный ночной лес.

Ее глаза, освоившиеся с темнотой, начали ощущать впереди слабое мерцание, которое с приближением становилось ярче. Девушка заволновалась и убыстрила шаг, впереди был свет, и он ее влек, притягивал и звал. Еще чуть-чуть и станет ясно, куда же она идет.

Элен, не осознанно перешла на легкий бег, приподнимая подол ненавистного платья, и оставалось лишь пройти сквозь плотные заросли высокого кустарника, который длинной стеной отгораживал девушку от влекомого источника света. Зажмурив глаза и стиснув губы, она ринулась в центр кустов и стала протискиваться сквозь них. Было очень трудно, но кусты поддавались и пропускали вперед девушку, оцарапывая и стегая ее по лицу и рукам, вдобавок ко всему неудобное платье якорем цеплялось за каждую веточку, отдергивая свою хозяйку назад и издавая хруст рвущейся ткани, не выдерживавшей такой атаки. На что, впрочем, ей было абсолютно наплевать. Но вот последняя ветка позади и ее ноги ступили в высокую траву. Элен стояла в нерешительности и удивленно рассматривала огромную поляну, покрытую высокой травой, в центре которой высился огромный домина.

Это был даже и не дом, а особняк, только потрепанного и запущенного вида. А свет, исходящий от Луны, почему-то освещал только эту поляну, как некий отрезанный мирок. Оглядевшись, путница заприметила тоненькую тропинку поблизости, больше похожую на притоптанную траву и прямехонько по ней направилась к жилищу. Она еще не понимала, что именно хочет найти в этой неожиданной находке, потому что в ней боролся инстинкт самосохранения со странным нездоровым любопытством, влекущим ее в неизвестность.

«Прям из ужастика домик, зайдешь, дверь захлопнется за тобой, и попадешь в лапы чудовища». Но прохладный влажный воздух пробрал ее тело до мелкой дрожи и укрытие с крышей и стенами казались сейчас единственной возможностью остановить переохлаждение тела.

Через пару минут Элен стояла перед зданием. В ярком лунном свете было хорошо видно, что дом очень старый, за ним давно не следят, снаружи было видно, что дом пуст и безжизнен, когда-то он видимо был белоснежным, местами белели рваные клочки выживших останков краски. Окна чернели пустыми глазницами из трех небольших этажей, являя собой дыры без стекол и ставень.

Девушке дом показался очень старым не только своей неухоженностью и заброшенностью, но и стилем постройки, что-то ей подсказывало, что этому особняку много лет, даже веков и хозяева давным-давно покинули свою обитель. Ну да это и не особо волновало Элен, ее тянуло внутрь и, решившись, она взшла по ступенькам к большой растрескавшейся и висящей на одной петле и честном слове двери и толкнула ее внутрь. Она ожидала, что дверка оторвется, рухнет на пол и рассыплется в прах, но та с громким скрипом поддалась на удивление очень легко и открылась всю ширь, пропуская внутрь незнакомку. Девушка осторожно

зашла внутрь и оказалась в очень просторном холле с огромной лестницей, ведущей вверх. Несмотря на заброшенный вид, внутри дом был вполне обитаем и красив!

Освещения не было внутри, но оно и не нужно было, ведь через окна лился такой яркий лунный свет, который освещал помещение не хуже дневного. Что-то продолжало звать Элен дальше к лестнице, поэтому она не стала особо осматриваться, а смело и уверенно подошла к широкой мраморной лестнице, которая спиралью шла наверх. Благодатное тепло, в котором сейчас нуждалась путница, обволокло обнаженные плечи и руки, разморив и вводя в полусонное состояние.

Воздух был пропитан чем-то очень старым и позабытым со странной смесью болотного духа. То в нос ударял явственный аромат амбры, а то и ладан перебивал пыльную взвесь застоявшегося амбре. Но сквозь все сильнее ударявшую пелену в нос прорывался один неприятный и навязчивый, беспокоивший и волновавший оттенок.

Стены некогда благородного здания украшали шелковые обои с изображениями средневековых красавиц-принцесс, драконов и рыцарей, рвущихся в атаку. Она не удержалась и, коснувшись пальцами лоснящейся поверхности, провела сверху вниз, прочувствовав невероятную мягкость и гладкость ткани.

Под лестницей в тени стоял предмет, привлечший внимание гостьи своей отчужденностью в общей картине холла. Им оказалось огромное зеркало в полный рост, обрамленное в массивную рамку из темного отполированного дерева. Зеркало видимо было не в ладу с последними хозяевами, от центра ломаными стрелками расползались во все стороны множественные трещины, искажая и дробя единое отражение на десятки. «Кто-то сильно психанул и со всей дури засадил по нему. Что же так взбесить должно было?». В подлестничном полумраке она хорошенько взгляделась в свое покореженное отражение, рассматривая платье и туфли, выпачканные в земле и траве. Не смотря на мелкие прорехи подола и пятна грязи, платье сидело неплохо, подчеркивая тонкую талию и выделяя бюст, а золотистый оттенок удачно гармонировал с уложенными в пышную прическу волосами, немного растрепавшимися, но не потерявшими приданной им элегантной формы. На руках, шее и плечах адели мелкие ссадины и царапины после сражения с злосчастными кустами, но Элен позабыла о них в миг – голос призывал ее снова, на лестницу.

Мраморные тонкие перила, испещренные узорами и спиральями, уводили за собой ступени вверх, приглашая следовать по заданному направлению.

Дойдя до второго этажа, девушка сошла с лестницы и пошла по проходу. Это был самый необычный коридор из всех, что она когда-либо видела: с правой стороны вдоль стены через правильные промежутки располагались двери, черневшие прямоугольными дырами на светлом фоне, а с левой – огромные окна с белоснежными занавесями, расположенные также симметрично. Но не это делало коридор отличным от остального, что видела девушка. У него не было конца. Снаружи особняк был внушительных размеров, но внутри оказался бесконечным!

И по этому коридору Элен шла, ведомая голосом, о да, теперь она его очень хорошо слышала. Слабый женский напев взывал к ней, произнося ее имя. Нужно было найти комнату, дверь, за которой раздавался голос. Она шла по коридору мимо дверей и окон, и временами от ветра занавески поднимались сильно вверх и касались ее, как бы пытаясь накрыть.

– Иди к нам... мы тебя давно ждем... ммм... – Долетело нащёптывание множества голосов, явно доносившееся со стороны окон.

Элен овладело любопытство, и она решила разглядеть одно из окон ближе, а вернее тех, кто шептал. Окно, к которому подошла девушка, было высоким почти до потолка без стекла, ведь окно было и не окном вовсе, а выходом на балкон, который в свою очередь был остеклен. Элен не решилась ступить за предел оконного проема, но выглянула и ахнула. Оказалось, что все балконы соединены в один длинный и все окна есть выходы на него. Балкон был бесконечным.

чен, как и коридор в доме, и представлял собой галерею, но на нем было почему-то совсем неуютно, и девушка поспешила прочь, назад на зов голоса.

– Иди к нам... куда же ты? Мы так долго ждали... тебя... Элен! – Шепот усилился и угрожающе бил в спину.

У ближайшей двери голос резко стих, а шепот, наоборот, достиг наивысшей точки накала, и Элен решила войти и, взявшись за дверную ручку, потянула дверь на себя. Та без скрипа открылась и захлопнулась тотчас же, когда девушка вошла в погруженный в тени будуар.

«Как я и думала, дверка захлопнулась, теперь черед за чудовищем».

Это был изысканный дамский будуар, отделанный пурпурным бархатом, лепниной и коврами редчайшего мастерства. Окна были занавешены тяжелыми черными шторами, не пропускающими лунный свет, но в комнате везде горели свечи, так что все можно было рассмотреть довольно хорошо. Небольшой камин, столик с зеркалом изящной работы, ширма для переодевания с изображениями все тех же повторявшихся принцесс и рыцарей и огромная кровать с балдахинном. Постель убрана была красным шелком и в свете свечей отливала кровавым сиянием.

От такой поистине королевской роскоши у девушки на долю секунды перехватило дыхание, но совладав с собой, она подошла в кровати и, пригладив край, уселась на уголок. В комнате имелась и вторая дверь, боковая, задрапированная гобеленом, на котором был выткан портрет таинственной красавицы в красном. Дверца бесшумно раскрылась и, откинув тканое изображение в сторонку, в комнату вплыла дама в кроваво-красном платье. Но ее ноги не касались поверхности пола, также как и платье едва задевало густой ворс ковров. Незнакомка летела по воздуху, и в этом не было сомнений, она парила!

Женщина непередаваемой красоты и изящества была так величественна, а ее осанка так горда, что Элен остолбенела на мгновение и застыла, сидя на краю кровати. Бледная без намека на румянец кожа лица, темные блестящие глаза, губы тонкие и кровавого насыщенного цвета – это гипнотизировало гостью и обездвиживало. Но вот кое-что промелькнуло в облике хозяйки, то, что отвлекло и сняло зачарованность с Элен за мгновение до того, как лицо красной дамы оказалось в опасной близости от ее лица. Парочка маленьких едва заметных клычков, блеснувших при свете свечей. Девушка вскрикнула, но вместо крика из горла вырвался сухой хрип, она резко отпрянула назад, отползая на середину кровати.

В голове пронеслись калейдоскопом мрачные, но яркие картинки, начиная злополучной Миной и ее развратной подружкой Люси из фильма Копполы и заканчивая толстым куском сырого мяса на блюде, источающего кровь. И этот ужасный запах! Он усилился и теперь нестерпимо бил в нос.

– Не бойся, дитя, подойди ко мне. Я давно тебя ждала и звала в свой дом. – дама мило улыбнулась и оцепенение сошло с девушки.

Вот Элен уже стоит посреди комнаты, а совсем рядом хозяйка дома. Но она точно помнила, что только что сидела, вжавшись в середину кровати! Глаза хозяйки посветлели и приобрели полупрозрачный серый оттенок, насколько можно было судить в неровном свете горевших свечей.

– Здравствуйтесь, мадам, извините, что я без приглашения и стука в вашу комнату вошла, я до сих пор не могу вспомнить, как нашла ваш дом. Очень странно, что вы живете здесь одна, в лесу. – Гостье нужно было как-то выиграть время, она сделала один осторожный шаг назад, к двери.

– А я не одна. Ты просто не заметила всех моих приближенных, они в коридоре и на балконе. – сказала дама, странно улыбаясь.

– Но там никого нет, там пусто. Я бы точно заметила кого-нибудь... – Слова оборвались сами, девушка снова услышала множество голосов, мужских и женских, они раздавались за дверью, смеялись и перешептывались.

– Ты прекрасно знала, что в доме много обитателей, ты же их слышала и очень хорошо. А они давно ждут, очень давно.

– Кого? – Робко поинтересовалась Элен, хотя ответ уже висел в воздухе, как и хозяйка.

– Тебя, дорогая. Только тебя. – Женщина неожиданно задрала лицо к потолку и рассмеялась диким безумным смехом, от которого мурашки пошли по телу, а волосы встали дыбом.

– Вы меня пугаете. Кто вы? Что это за дом? Почему я здесь? – Гостья выстреливала вопросы словно копья, пытаясь прервать жуткий смех, к которому присоединились те загадочные голоса за дверью.

Женщина оборвала свой смех, и дикий гогот за пределами спальни тут же смолк. Элен стало совсем не по себе от нависшей пустотной тишины, и тут она краем глаза заметила зеркало на столике. Что-то было совсем не так и, взглянув на зеркальное отражение, к своему ужасу она поняла, что именно: дама в красном не отражалась! В зеркале отчетливо была видна девушка, а вот стоявшая рядом с ней женщина полностью отсутствовала. Но она, же рядом стоит и она не галлюцинация!

Хозяйка, заметив, куда направлен взгляд гостьи и поняв, что та напугана еще больше, неторопливо подплыла к зеркалу и, накрыв его черным шелковым платком, лежавшим на столике, обернулась и произнесла:

– Не бойся, дитя, я не причиню тебе вреда и никому не позволю в этом доме. Мое имя Морвэн. Я – вампир самый древний из живущих на этой земле и хозяйка этой обители, где благополучно живу со своими приближенными уже добрых восемь тысяч пятьсот тридцать восемь лет. Только немногие могут найти дорогу к моему дому, ты как раз одна из них. Ты особенная, Элен. Да, я знаю твое имя, я многое о тебе знаю. Мы в каком-то роде сестры, дочери Белой Луны. Только ты чистое дитя, а я темное. В этот мир ты попала не по своей воле и тебе нужно его покинуть как можно скорее. Это подлунный мир и светлым чистым душам здесь не место, ты слышала, как волнуются мои подданные и оно понятно, чистой крови они не пили уже добрых сто десять лет. Ты не представляешь, как они проголодались! – Девушка увидела острые белые клыки хозяйки в опасной близости от ее левого уха.

Дрожь прошла по телу Элен, но в то же мгновение она успокоилась. «Сейчас она меня укусит и выпьет всю кровь» – устало подумала девушка. Ее глаза отяжелели, начали закрываться, будто она погружалась в тяжелый сон.

– Не бойся, дитя, я не буду тебя кусать и причинять тебе вред. Ты одна из немногих, ты чистая. А я чту законы Создателя и не позволю пролиться хотя бы капельке твоей драгоценной крови. И никто тебя здесь не тронет, обещаю тебе и даю слово. – Лицо вампириши отпрянуло, поборов соблазн.

Элен стояла в трансе, слушая слова Морвэн и не слыша их.

– Но почему я здесь? Для чего? – Губы выводили непонимание всего происходившего

– Я не знаю причины твоего направления в мой мир, но есть у меня догадка, что я должна тебе дать совет один. – Начала было Морвэн.

Но тут дверь с силой распахнулась и в комнату ворвался сильный ветер, взбаламучивая оконные занавеси, раскидывая шелковый прозрачный шатер балдахина и сметая со столика все содержимое на пол. Ветер был живым, он стонал, кричал и требовал сотнями голосом отдать Элен ему.

– Да как вы посмели сюда войти! – Негодовала растерявшаяся хозяйка. – Кто вам позволил нарушить мой приказ?! Я ваша госпожа и вы обязаны мне подчиняться! Да я вас сотру в порошок!

– Отдай ее нам! Отдай ее нам! – Умоляли голоса. – Мы так голодны, а она так молода! Одной капли крови хватит на многие года. Отдай ее нам! Она наша по праву.

Элен почувствовала, как кто-то схватил ее за руки и ноги, а потом на голых запястьях показались крошечные кровавые ранки, образовавшиеся от невидимых укусов. Ног не было видно, но покусывание чувствовалось сквозь длинную материю платья. Девушка отчаянно дергалась и пыталась вырваться из цепких невидимых оков, но положение только осложнилось.

– Прочь, чертово отродье! Прочь, говорю вам, убирайтесь назад! Забыли, в чьих покоях находитесь и чей приказ слушались? Тогда пеняйте на себя! – Глаза Морвэн почернели, клыки стали вдвое длиннее, придав даме устрашающий нечеловеческий вид.

Сорвав с зеркала платок, Морвэн вперилась в его поверхность и стала быстро произносить какое-то заклинание, слова которого разобрать девушке было не под силу. Но колдовская тарабарщина сработала тотчас же – вихревой поток стало засасывать в зеркальную поверхность со звуком работающего на полную мощность пылесоса. Элен раскрутило и поволокло прямо к зеркалу, она чувствовала, что нечто из последних сил держалось за ее правую ногу, спасаясь от засасывания. Девушка успела ухватиться за ножку кровати, и эта витиеватая опора сейчас была ее единственной соломинкой на спасение. Но сила, вбравшая в себя провинившихся подданных Морвэн, оказалась куда мощнее, потому как кровать начала со скрежетом сдвигаться в сторону столика.

Девушка обернулась назад, боль пронзила ногу – с такой силой нечто сдавило лодыжку, ту самую, которая пострадала в лесу ранее. В рваном вихре, похожем сейчас на воронку смерча с черным бездонным дном, она различила смутное очертание того, кто висел на ее ноге. Нечто аморфное с телом червя и лицом, если это можно было назвать лицом, лишенным носа, бровей – только глазами-дырами и искривленным в ужас ртом, испещренным тонкими иглами-зубами болталось над зеркальной воронкой. «Ну и подданные у этой вампирши! Страшно подумать, как остальные выглядят, вернее выглядели».

Она дернула ногой что есть силы, чтобы сбросить вампира, жгучая боль пронзила лодыжку, парализуя и вынуждая кричать. Но тот крепко держался и не собирался сдаваться так же, как и она. Монстр подтянулся и уже собирался своими страшными зубами вонзиться в кожу для окончательного закрепления, завидя это Элен не выдержала и в ужасе закричала:

– Морвэн! Помоги мне! Он на моей ноге! Быстрее!

Вампирша все это время сосредоточено смотревшая в зеркальную поверхность, оглянулась на крик и смесь страха и возмущения пробежали волнами по ее лицу.

– Ах, ты проклятый ублюдок! Решил за счет моей гостью выехать их адовой глотки? Не выйдет, дружок! А ну-ка отпусти ее ногу и марш к остальным!

Звонкий хлопок мертвенно бледных ладоней с длинными красными ногтями – и сила более могущественная, чем та, с какой вампир держался за несчастную девушку, оторвала его и понесла прямо в темную кишашую такими же, как и он, созданиями, вбирая в себя его наполненный ужасом крик. С неприятным чмоканием воронка сомкнулась и растворилась тут же, оставив после себя ровную зеркальную поверхность, на которой отражался лишь бардак, сотворенный исчезнувшими подданными и смерчем, да смрад, давно разложившихся трупов, какими и были по сути вампиры.

– Элен, отпусти ножку, тебе больше ничто не угрожает. – Морвэн наклонилась и протянула одну из ладоней, которыми только что уничтожила последнего своего кровососа.

Девушка нехотя разжала пальцы, которыми держалась за прикроватную ножку и подала после секундного раздумья руку хозяйке. Когда они встали лицом к лицу, Морвэн наградила гостью поцелуем холодных губ в лоб.

– Элен, услышь меня и запомни, куда бы ты ни пошла, куда бы тебя не направили силы земные или иные, следуй за светлым голосом. Он тебя приведет обратно домой, слышишь меня? Волею судеб ты направлена в чужие миры и сколько из них тебе нужно преодолеть, знает

только Судьба. Чем дальше ты будешь уходить, тем меньше у тебя шансов найти дорогу назад, в свой мир. Если ты потеряешься, то твоя физическая оболочка увянет, а сама ты никогда не сможешь вернуться. Светлая сестра, слушай свое сердце и следуй за голосом, чти Луну. Это и есть мой совет тебе. Не забывай о своей бледной сестре, Элен, слышишь? Для меня это была великая честь и радость, свидеться с тобой снова. Элен! Запомни... – голос начал таять, женщина кричала, но слова ее почему-то были не слышны.

– Спасибо, Морвэн! Я буду помнить о тебе и не забуду! – Девушка кричала из последних сил, но ее голос тонул в нараставшем шуме.

Она хотела спросить про голос, узнать больше о его значении, но все вдруг закружилось перед глазами: дама, кровать, камин – все завертелось диким волчком, а вокруг нарастал шум невообразимый по восприятию. Зажав руками уши и прижав голову к коленям, девушка упала на бок и ждала, закрыв глаза, когда закончится эта ужасная какофония.

Когда она решилась открыть глаза, то вокруг было тихо, темно и она лежала в своей кровати.

Свет или тьма.

Огонь и вода.

Солнце, Луна.

Разум, душа.

Месть или друг.

Квадрат или круг.

Губы иль хук.

Злато, сто мук.

Выбор иль рок.

Море, песок.

Тень, света ток.

Сто, один Бог.

ХОЗЯИН СНОВ

Была глубокая тихая ночь, когда Элен открыла глаза. В ушах уже затихал шум, а перед глазами еще стоял образ красивой хозяйки таинственной обители и ее омерзительные подданные.

«Ну и кошмар же мне приснился. Бывают же сны до жути реальные и живые. Но этот переплюнул все пересмотренные ранее. Уф, как хорошо, что это был всего лишь сон». – С облегчением подумала она.

Она лежала на спине, укрытая одеялом до головы. Она всегда так укутывалась, когда ей снились монстры, и грозила опасность в пугающих снах. Может это была неосознанная защита от ночных чудищ, а может просто так она себя чувствовала уютнее и спокойнее, словно в маленьком коконе тепла и забвения. На кровать, стоявшую у окна лился мягкий желтый свет, полная Луна аккуратно напротив окна освещала комнатку, а шторы почему-то не были задвинуты. «Сильно утомилась, заснула, а про шторы забыла. Надо бы их задвинуть, а то я не усну, слишком ярко сегодня. Полнолуние посему».

Тело затекло и Элен хотелось повернуться на бок, пошевелить ногами и потянуться, но.... Но она оцепенела! Ее тело сковала и вжала в кровать неведомая сила, она могла лишь делать редкие вдохи, так как и все внутри у нее замедлило свой ход, а сердце наоборот, бешено

выпрыгивало из груди. Элен испытывала приступ сильнейшего непонятного ей ужаса и не могла ничего сделать, она была полностью парализована.

Вскоре в тишине послышался звук, от которого глаза зажмурились, а лицо хотелось спрятать вслед за телом под одеялом. Со стороны ног по одеялу что-то взбиралось на кровать и тяжело пыхтело. Кошки в доме не было, да и собаки тоже, кроме мирно спящего попугая в клетке в семействе Киндмонд других животных не имелось. Тогда кто это был? Внутри настойчивой сиреной клокотало одно единственное желание – нырнуть под одеяло и перевернуться на живот, ведь, когда грозит опасность, чувствуешь себя в безопасности именно, повернувшись к беде спиной. Так всегда считала Элен и спала она всегда на животе, оберегая свои сновидения надежным тылом. Но сейчас был не тот случай, хотя очень хотелось перевернуться, очень-очень.

Девушка почувствовала в том месте, где находились ее ступни, как поверх одеяла нечто небольшое вскарабкалось, чихнуло и тихо, злобно проговаривая низким гнусавым голоском, стало передвигаться по ней, приближаясь к подушке. Это существо, источавшее тонкий зловонный запах серы, пыли и сероводорода, остановилось совсем близко от лица девушки и продолжило тихо гнусавить. Почему-то девушке пришла на ум картинка – паук подбирается к несчастной мухе по паутине, она дергается, жужжит отчаянно, но лишь сильнее увязает в липких путах, а он, возможно, также пугает ее низкими звуками. Как знать? Как ни страшно было, но ей пришлось открыть глаза, чтобы рассмотреть монстра, которого укрывала теневая завеса, образовавшаяся мгновенно и поглотившая небесный светоч.

За окном ветер пытался разогнать плотные облака или тучи, сейчас это было не суть важно, но, как раз, именно в этот момент Луна высвободилась частично из серого плена и осветила комнату. Дикий всепоглощающий ужас сковал крик девушки, и она не смогла издать ни звука – на ее груди стоял страшный уродливый карлик размером не больше кошки. Одежка кукольных размеров да колпак на голове коротышки были, словно из сказок о гномах. На сморщенном высушенном мелком лице горели красным огнем маленькие злобные глазки. Свои скрюченные маленькие руки с корявыми когтистыми пальцами гном протягивал к лицу девушки и что-то злобно шептал. Именно злобные интонации и волнение уловила она, как та муха в паутине.

Слух – единственное, что еще подчинялось своей хозяйке и Элен напрягла его изо всех сил, дабы услышать бормотание, творимое существом. Через несколько секунд ей удалось слышать следующее:

*Ты умрешь,
Тебя не станет.
Ночь кровавая
Настанет.*

*Забелеют
Твои кости.
Я приду
Сегодня в гости.*

*Сердце чистое
В груди
Выву, съем,
А ты – умри!*

Твою жизнь

*Возьму себе.
Не кричи,
Ведь ты во сне.*

*Не спасет
Тебя Луна.
Похоронит
Тебя Тьма!*

С каждым произносимым гномьим словом Элен становилось все тяжелее дышать, она уже с трудом могла заглывать воздух широко открытым ртом.

Монстр ее зачаровал, и она была в полной его власти. Вновь попыталась она пошевелиться и закричать, но безуспешно, паутина заклинания цепко держала ее в своем плене.

– Сердце! Мне нужно это сердце, чтобы набраться сил. – Проскрипел фальцетом гном и потянул за край одеяла, намереваясь его скинуть с груди несчастной девушки. – Нужно сердце. Сладкое, юное и чистое. Сколько энергии. Сердце мое!

Эти слова совсем оглушили и вогнали в панику Элен. Нужно было что-то делать, скинуть уродца с себя, но для этого надо было шевельнуться, а она была обездвижена, и кричать, а, значит, звать на помощь не могла. К тому же она знала, неизвестно откуда, но знала, что в доме кроме нее никого нет и подмоги ждать неоткуда.

Гному удалось уже откинуть край одеяла, прикрывавший левое плечо и грудь и, не переставая нашептывать заклинание, он потянулся руками к тому месту, где билось сердце несчастной жертвы.

«Что же делать?! Помогите! Я сейчас умру! Нет!» – Мысли отчаяния гремели в голове Элен, лишь немymi хрипами исторгаясь из безмолвного рта. Глаза зажмурились сильно, губы стиснулись до белизны.

В этот страшный миг Луна высвободилась от ночных объятий облаков полностью и засияла ярче. Пленница вдруг услышала глубоко в своей голове голос тихий и далекий, как перелив колокольчика, который нашептывал странную толи считалочку, толи детский стишок. Не осознавая того, что она начала вслух произносить шепотом эти слова, она еще лежала с закрытыми глазами и не сразу обратила внимание на то, что карлик внезапно сбился с заклинания и прервался. Его маленькие скрюченные ручонки застыли совсем близко от того места, где билось частым стуком сердце девушки, словно наткнулись на преграду. Как он не пытался, сдвинуться ему было не под силу, невидимый защитный барьер не давал ему прикоснуться к Элен.

– Что?! Нет, этого не может быть? Заткнись, сука! – Гном зашипел, но резко убрал свои руки от Элен, будто обжегся о нечто недоступное взору.

– Ты умрешь, тебя не станет... ночь кровавая настан... – Он попытался возобновить заклинание, но продолжить ему не удалось, простые слова стишка снова его сбили.

*Я – сова, ночная птаха.
И Луна свой добрый свет
Направляет, чтобы ахав,
Я жила, где света нет.*

Элен не знала этого стиха ранее и откуда он к ней пришел, и чей голос, сейчас нашептывая, черт знает откуда, спасал ее от страшной смерти, ее волновало другое – насколько долго хватит чудесного действия, какова данная ей отсрочка. Самое главное, что стих действовал на гнома и нейтрализовал его колдовство. Дыхание вновь становилось свободным, с губ сошли остатки онемения, колдовские чары теряли силу над пленницей, и она стала все громче произ-

носить слова и повторяла их все увереннее, быстрее и быстрее. Теперь она творила заклинание и околдовывала монстра. Карлик, хрипел и выставлял руки вперед, защищаясь от безобидных слов, теперь он поменялся местами со своей жертвой.

– ... умрешь... ночь... кровавая... твои... возьму... Нет! – Его противный голос сбивался, и продолжить заклинание он не мог. – Сука! Это мой мир!

Девушка почувствовала, что силы к ней вернулись и теперь она властна над своим телом. Резко сев в кровати, она скинула в изножье ненавистного гнома и громко повторила:

– Убирайся туда, откуда пришел! Убирайся туда, откуда пришел! Убирайся туда, откуда пришел! Я- сова! Ночная птица! И Луна свой добрый свет направляет! Чтобы ахав! Я жила, где света нет!

Слова заклинания вылетали отдельными клинками и переросли в мощный громopodobный крик. Голос девушки разросся и наполнился множеством иных голосов, переходя в чудовищный по мощи рев. Теперь муха расправлялась с пауком.

– Нет, я был так близко от цели! Как же так?! Нет! Я же хозяин... – С этими словами гном скорчился, сложился в комок и исчез. Только в темноте еще с минуту перед лицом девушки горели два крохотных красных огонька, излучающих ненависть.

Тяжело дыша, Элен приложила руку к бешено бьющемуся сердцу, закрыла глаза и... проснулась.

Был вечер второго дня пребывания пациентки в палате интенсивной терапии. Мать уже собиралась уходить, она провела с дочерью несколько часов, устала, да и заканчивалось приемное время для родственников, нужно было идти домой. Выходя из палаты, она услышала странный непрерывный звук, похожий на писк, издаваемый оборудованием рядом с койкой. Обеспокоенная и в дурном предчувствии, мать бросилась обратно к дочке и к своему ужасу увидела, что монитор показывал сплошную полосу, а странный звук, наполнивший тишину палаты, сигнализировал о подступавшей смерти близкого существа.

– Помогите! Кто-нибудь! Доктор! Сестра! Помогите! Сюда! Сюда! Скорее! – Выбежав в коридор, обезумевшая от страха мать стала кричать и звать медперсонал больницы.

На счастье ее уже услышали, а скорее всего, сработал сигнал с аппарата из палаты на пульте у дежурившего внизу персонала, и с дальнего конца коридора бежали медсестра с дежурным врачом, толкая впереди себя необходимое для спасения жизни оборудование. Не дожидаясь их, мать вернулась к дочери, взяла ее безжизненную ладонь в свои дрожащие руки и стала причитать:

– Элен, доченька моя, солнышко, лучик мой, услышь меня! Услышь меня и вернись ко мне! Вернись к маме! Я здесь, Эли! Мама тебя ждет и не оставит. Иди на мой голос, солнышко. Эли! Я тут!

Врач с медсестрой уже вбежали в палату, и, оттолкнув мать от умирающей дочери, уже собирались приступить к реанимации пациентки, как произошло нечто необычное. Погода уже неделю стояла пасмурная, и к вечеру небо тяжело переполненными влагой тучами, чтобы всю ночь проливать на город дождь. Так вот, неожиданно тучи разволокло, на это никто из присутствующих в палате, конечно, не обратил никакого внимания, не до этого было, и белый диск Луны, полный и огромный осветил палату. Тут же монитор стал издавать другой звук, а диаграмма на нем указывала на то, что сердце пациентки снова работает в прежнем режиме – смерть отступила.

– Вот это ж чертовщина, какая! Оборудование новое, наверное, сбой какой-то. Надо будет подежурить ночью у этой пациентки. – Сказала врач медсестре и, повернувшись к напуганной матери, что стояла рядом, добавила как можно мягче. – А вам, нужно идти домой. Прием-

ное время закончилось. Не волнуйтесь. Скорее всего, небольшой сбой в работе оборудования. Утром придем сюда специалиста, он все проверит. С вашей дочерью будет всю ночь сидеть сестра, так что все под контролем. Идите домой.

– Я приду завтра, доченька, я приду и буду с тобой. Не бойся. Мама тебя защитит. Я приду. Спокойной ночи, солнышко мое. – Немного приободрившись, женщина вышла из палаты, в коридоре ее настигли слезы, и она медленно побрела домой, надеясь на лучшее.

А за окном тучи снова укрыли и надежно спрятали Луну и ее небесное сияние.

Элен открыла глаза, она снова лежала в своей кровати, укутанная с ног до головы. Глубокая ночь, тишина и непроглядная темнота, занавески не задвинуты, а за окном не видно Луны, ее надежно укрыли тучи.

«Просто кошмар приснился. Сердце до сих пор бьется бешено. Вот жуть же присниться! Надо встать и попить воды». Но встать она не смогла. Ее тело начал сковывать необъяснимый страх – ощущения сна начали повторяться.

Самый жуткий кошмар во сне – это не чудовищный монстр, который нападает из-за угла и расправляется с жертвой самым жестоким образом. Вовсе нет. А вот оказаться в темной комнате одному, да без поддержки и знать, что дверь сейчас распахнется и оттуда вырвется невесть что-то зловещее, а выключатель то не работает, это да! Причем, любому спящему человеку всегда известно, что стоит лишь зажечь свет и тьма уйдет вместе со всеми ужасами вместе взятыми и наступит благодатная безопасность. Но в кошмарах, же этот закон не работает, как и злосчастный выключатель. Вместе с ним рвется тоненькая ниточка надежды на скорейшее спасение, а страх лишь удешевляется.

Девушка изо всех сил сорвала с себя одеяло и, преодолевая возобновляющийся ужас, встала с кровати и подошла к выключателю. Нажала на него. Свет не зажегся! Она повторила несколько раз. Но мертвый выключатель не работал. Страх накрыл ее с головой осознанием того, что она не проснулась, а сон повторялся во сне. Или это вовсе не сон, и темнота ей угрожала появлением монстра?

В тишине вновь послышался шепот, и Элен испугалась, что ее мучитель уже совсем рядом, но это был иной голос, тот, что шептал ей спасительный стишок и звал ее ласково по имени. Она прислушалась к нему:

– Лунное дитя, не стой на месте, Пожиратель сердец идет к тебе. Он хозяин этого дома, а дом этот есть целый мир. Нет у него имен, ибо никакое из имеющихся не сможет вместить в себя всю ту злобу и черную ненависть ко всему чистому и живому, что лелеет и взращивает в себе Хозяин снов. Беги, дитя. Скройся за дверь, ведущей к воде. Быстрее, он здесь!

Не раздумывая, Элен выбежала из комнаты, чувствуя накатывающуюся тьму в том углу комнаты, где стояла ее кровать.

«Ванная комната! Вот где вода!». – Мгновенно вспыхнуло у нее в голове.

Забежав в непроглядную темноту ванной и закрыв за собой дверь, девушка залезла в ванну, задвинула клеенчатую занавеску и стала ждать. Она ожидала чего угодно, шепота, злобных криков, проклятий, изрыгаемых мерзким карликом.

Вместо шагов за дверь послышался скрежет чего-то острого об дверь и противное издевательское хихиканье. Стишок вылетел из головы, и Элен вжалась в дно ванны, не зная, как ей спастись. Дверь открылась, пропуская полоску бледного света, и по полу послышались торопливые шажки.

«Сейчас он доберется до меня и мне уж точно не спастись. Что делать?!» – эти мысли паникой затопили мозг, и девушка не сразу обратила внимание, что в ванной комнате становится светлее.

– Ну, что сучка, думала. Что я тебя не найду? Какая же ты глупая! Я же говорил тебе, что это мой мир! Я хозяин здесь и знаю все, что происходит в каждом уголке. – То, что исторгало из себя столько гадости, множилось в слуховом восприятии и эхом било по стенам комнатки. – Я иду к тебе, мерзкая сука! И на этот раз твоя гадкая Луна тебе не поможет!

Уже были видны очертания шторки, которая еще отделяла жертву от монстра. Низ клеенки заходил ходуном и на покатоном краю ванны показались крохотные черные ручонки гнома. Элен отшатнулась к стене и вжалась, мысленно надеясь, что преграда за ее спиной растает и появится путь к побегу. Крик ужаса уже срывался с ее уст, руки в отчаянной попытке были выставлены перед собой крест-накрест, в тщетной попытке защититься.

В это мгновение душ, что был сбоку от нее, пустил мощную струю холодной воды. Бурлящий поток сбил карлика и не дал ему заползти вовнутрь ванны. Мощь вырывающейся воды возрастала, вода вырывалась из крана, из-под плитки, которой были отделаны стены, ванна наполнилась очень быстро водой, переливаясь на пол и распространяясь дальше. Девушка промокла, озыбла, но все еще стояла, не решаясь выйти из спасительного приюта. Гном куда-то исчез, захлопнув за собой дверь.

Но вода сильным толчком неожиданно сбила ее с ног, угрожая ей новой опасностью, и ничего не оставалось ей, как скорее выбираться из ванной комнаты. Ухватившись за край шторы и уцепившись на край ванны, которая неожиданно стала бездонной, Элен подтянулась и вывалилась на кафельный пол, вода на который водопадом обрушивалась из переполненной когда-то спасительной емкости. Уровень воды поднимался, и оставаться на прежнем месте стало опасно.

Дверь ванной была закрыта, но за ней просачивался свет и, встав на ноги, девушка толкнула дверь наружу. Глаза зажмурились от нестерпимо яркого света, в ушах гремело, а в лицо бил сильный ветер. Свет погас также быстро, как и ослепил.

Глазам девушки предстало безграничное бушующее море, пронизываемое молниями сквозь сильнейший ливень.

*Гаснет месяц, гаснут звезды.
Никому не ясно, что
Нам увидеть здесь придется.
Закрывай свое окно!*

*Тень крадется, в душах хаос.
Запирай скорей засов,
А не то рискуешь старость
Не увидеть после снов.*

*Тише сердце, пульс замедли.
Хоронясь в углу сыром,
Умоляй от черной скверны
Осветить себя огнем.*

*Было тихо, было страшно.
Будто вымерло всё вдруг.
Но зажглась звезда отважно.
Значит, будем живы, друг!*

КОРАБЛЬ

Элен не верила глазам: из двери ванной комнаты она шагнула на широченную деревянную палубу неизвестного корабля, подбрасываемого волнами посреди бескрайней морской пустыни в ненастной ночи. За кормой бушевала буря, огромные волны налетали на судно и, разбиваясь о корму, обрушивались мощными потоками обжигающе ледяной жидкой соли на галеон, угрожая проглотить его с последующей атакой. Болтало корабль нещадно, доски местами скрипели и трещали от тяжелых ударов стихии.

Пытаясь не терять равновесия, она сделала несколько шагов обратно к двери, но не успела ухватиться за дверную рукоять, как очередной сильный поток, прохаживаясь по деревянному настилу, сбил ее с ног и, словно пушинку, понес прямо к бортику, намереваясь прихватить незадачливую путешественницу с собой обратно в морскую пучину. Соль набивалась в рот, глаза и уши, пронизала одежду насквозь, девушка чудом не захлебнулась. А когда вода изрыгнулась с палубы за борт, то Элен в последний момент умудрилась вцепиться в канатный трос, который был намотан спиралью на резных перилах борта. Когда поток схлынул, и наступила краткая передышка, она всмотрелась туда, куда чуть не ушла вслед за соленой лавиной. Внизу клочкотала, бурлила и пенилась необузданная, смертельная и жаждавшая поглотить все живое морская бездна. И могильный холод, исходивший снизу, промораживал до костей, дотягиваясь до сердца, давая лишь секунды на выбор – бороться за жизнь или сдаться и разжав руки, отдаться навсегда жуткой смерти.

С треском прошившая кипевшую водную поверхность совсем рядом молния, ослепила и одновременно вывела девушку из транса, в который погружал холод и вода. Элен подтянулась и встала на ноги, нужно было добраться до ближайшей каюты и укрыться от ненастья. Скользящая палуба и усилившийся ветер с косым рваным дождем, чуть было не вернули ее обратно к опасному порогу, но на этот раз она была готова и не собиралась так легко сдаваться. Отвоевывая каждый шаг, она подобралась к самой близкой из дверей и, почувствовав грохот и тряску от набегающей волны, рванула спасительную дверцу и захлопнула ее за собой аккуратно вовремя, мимо пролетел с ревом очередной губительный поток.

Палуба была пуста, возможно, экипаж затаился внутри корабля, переживая каприз стихии. Все происходившее казалось сном, одним из кошмаров, звеном из непрерывной цепочки страшной сказки. Закрыв за собой дверь и отгородившись от непогоды, она внимательно изучала пространство. Стены тоже были из дерева, в их нишах на равных промежутках ютились небольшие масляные светильники, и совсем близко в паре шагов начиналась винтовая лестница, ведущая в темноту, свет обрывался на первых трех ступенях. Странные незнакомые письмены и не менее странные рисунки покрывали стены, и вся эта мазня была выполнена красной краской, поблекшей от времени.

Вода ручьями стекала с одежды и под ногами девушки уже успела набежать приличная лужица. Одежда, прилипавшая плотно к телу удивила и поразила Элен: под черным камзол, отделанным золотой вышивкой, белела промокшая в мутных разводах мужская рубашка с волнистым некогда воротником-жабо, на ногах облипли черные кожаные брюки, утопавшие в лаковых черных ботфортах с широченными голенищами и раструбами, закрывающими колена.

«Прям, пиратка какая-то». – Эта мысль ее позабавила и в то же время насторожила, ведь по-прежнему она была одна и не знала, чей это корабль.

Подойдя к одной из лампадок, она протянула озябшие руки и, впитывая тепло, задрожала – тело начало оттаивать от сковавшего его холода. Волосы, прилипшие мокрыми прядками к лицу, были аккуратно отжаты и откинuty назад. Чтобы быстрее согреться, она скинула отяжелевший и весивший около десятка килограммов камзол, а затем стянула с ног неудобные и полные воды сапоги. Вокруг начал распространяться запах водорослей, рыбы и соли, вся одежда, волосы и тело пропахли и впитали эти запахи моря в себя, но ее это сейчас не волновало, ни сколько. Когда теплота разогнала кровь по телу, разморозив ноги, Элен решила,

что пора спуститься по лестнице и найти кого-нибудь из экипажа странного судна. Должен же был хоть кто-то быть там внизу.

Осторожно, чтобы не обжечься, обернув светильник в мокрый платок, найденный в не менее мокром кармане камзола, путница спускалась по лестнице, которая уперлась в деревянный пол, ограничиваемый высокими перилами узкого, но длинного балкона, рассчитанного на свободный проход одного человека.

Девушка подошла к перилам и, облокотившись о поручень, посмотрела вокруг. Первое, что поражало – огромное пространство – внутренность корабля шириной и высотой могла поспорить с небоскребом, отделка старинная, как у средневековых суден, но размеры этого исполина просто подавляли и поражали. Ниже, как в прочем и выше, располагались другие такие же балконы, но те имели отличие в своей целостности и опоясывали изнутри судно тонкими, но прочными обручами, в то время, как балкон, на котором стояла Элен, на значительном расстоянии упирался в небольшой выступ, заканчивающийся дверью и лестницей, ведущей вниз.

Удивительно выглядела и верхушка судна. Вместо дерева ее украшал огромный круглый стеклянный купол, за которым были видны всполохи молний и потоки небесной воды.

Внизу же по центру чернело устрашающих размеров пятно, размерами не уступая футбольному полю. Присмотревшись внимательно, девушка заметила, что пятно живое, субстанция, из которой оно состояло, то бурлила и изрыгалась тысячами фонтанчиками черной массы, то застывала неподвижной коркой.

Совсем рядом с этой червоточиной ходили люди, их было мало, но по простым робам, прикрывающим их тела, Элен догадалась, что это матросы и обрадовалась, что она не одна на таком огромном судне, но радость улетучилась, когда приглядевшись, она заметила, что двигались эти люди странно, словно роботы. И еще одно ее настораживало, а именно, непонятная ей угроза, исходящая от этого живого и пульсирующего пятна. Было неясно, как глубоко оно въелось в днище корабля и почему от него веет холодом, но при этом влечет к себе непреодолимо. И еще, снова этот запах, что беспокоил и волновал ее в доме Морвэн, он здесь присутствовал и главенствовал над морскими ароматами, разрастаясь в тысячи раз сильнее и навязчивее.

Боковым зрением девушка заметила какое-то движение недалеко от себя и резко обернувшись, увидела стоявшую боком к ней в нескольких метрах высокую мужскую фигуру. По облачению и смиренной осанке Элен сделала вывод, что перед нею монах – черная ряса с опущенным капюшоном, да тоненький кружок волос на обритой голове выдавали в стоявшем на балконе незнакомце церковного человека, скорее, нежели светского. Как ни странно, но незнакомец не внушал тревоги девушке, и она решила подойти к нему и расспросить о корабле и странном пятне, волновавшем ее сознание. Преодолев в несколько шагов необходимое расстояние, Элен остановилась перед мужчиной в странном облачении и слегка откашлявшись, обратилась к нему:

– Здравствуйте, извините меня, пожалуйста, но я не знаю, как попала сюда. Мне нужна ваша помощь. Будьте любезны... – Дальнейшие слова застряли в горле, когда незнакомец повернул лицо в ее сторону.

Это был мужчина средних лет с бледным лицом, лишенным растительности, но совершенно черными, без зрачков, глазами. Отсутствие ресниц и бровей только усиливали неприятное и отталкивающее впечатление. А когда он заговорил, мороз пробежал по коже девушки, голос был женский и густой вперемешку с мужским, и казалось, что одними устами твердили два совершенно разных человека:

– Не бойся, дитя. Я не причиню тебе вреда. Когда-то я был монахом и бродил по деревьям, неся людям Слово Божье и свет истины. Но это было слишком давно. Теперь я всего лишь

призрак неприкаянный. – Монах вздохнул. – Позволь дать тебе единственный совет: беги как можно быстрее с этого корабля! Найди шлюпку, садись в нее и уплывай! Корабль обречен уже как год. Видишь то зло, что извергается из недр его черными потоками и размерами уже с небольшое озеро? О! Это проклятье, которое пожирает живьем некогда самый красивый мощный и величественный корабль на Земле. Посмотри на несчастных людей. Посмотри внимательно! – Монах вытянул вперед правую руку и указательным пальцем указал на бродивших внизу матросов.

Только теперь при внимательном и более близком взглядывании Элен рассмотрела людей, бродивших внизу в корабельных сумерках – у несчастных были побелевшие лица с еще более белыми глазами и впалыми щеками, ноги они еле перетаскивали, словно к ним были подцеплены груза, а вместо речи матросы издавали хрипы и мычание.

– Что с ними?! – Вскрикнула и отшатнулась от перил путница. – Это болезнь? Эпидемия? Что с ними могло такое сотворить? Они живы?

– Проклятье коснулось не только корабля, но и всех людей, служащих ему. Чистые душой сгинули в червоточине, так как злу необходимо питаться. А чистота – самый лакомый источник, да и не терпит чернота рядом все светлое и божественное. А вот несчастные люди с грязными помыслами и делами в душах стали рабами зла, существами без души. Они живы, но телами, а души же их уснули черным сном. Кто стал рабом на этом корабле, обречен обслуживать его, не зная сна и отдыха и слова молвить не волен. Это уже не люди. На этом корабле давно нет людей.

От этих слов мурашки пробежали по телу девушки и она с надеждой вновь обратилась к странному монаху:

– Но неужели нет спасения для этих несчастных?! – Слезы проступили на глазах Элен. – Неужели им нельзя помочь хоть чем-то?

Ей очень стало жаль бедолаг, в ней боролись два желания: с одной стороны хотелось облегчить их участь, а с другой сбежать отсюда без оглядки, что есть мочи.

– Спасение есть для корабля и экипажа. Очищение. Нужно очистить корабль от скверны проклятия, тогда спасутся души. Но! Невозможна эта затея, ибо с очищением корабль затонет, червоточина проела его внутренность до самого дна, и лишь она удерживает корабль на плаву. – Тут монах, торжественно понизив голос, добавил.

*Попав в корабль сей,
Погибель обретешь,
А выход лишь один,
Тебе в нем нет нужды.
Зло расплодилось по дну,
Съедая все внутри,
А голод лишь растет
И жаждет чистых душ!*

Элен содрогнулась и сжалась, скрестив инстинктивно руки на груди.

– Что за ужас здесь твориться?! Но как... – Девушка не смогла договорить, ее перебил призрак.

– Советую, дитя, покинь скорее сей корабль. Спаси свою бесценную чистую душу. Червоточина тебя чувствует и желает твоей гибели. Она проголодалась ужасно. Давно не было здесь невинных душ. Беги и не слушай черный зов.

– Но как мне сбежать отсюда? Там снаружи буря и в море шлюпку перевернет или затопит. Там у меня никаких шансов нет!

– Если бы я знал, то сразу бы посоветовал тебе иное, но другого пути к спасению у тебя нет. Либо ты погибнешь, иль спасешься в открытом море, борясь с праведным гневом Создателя, ибо неспроста бушует все вокруг, не приемлет природы суть чужеродность зла, либо ты покоришься зову и станешь пищей того, что находится ниже и призывает тебя уже со всей черной страстью, на какую способно.

– Что за странный запах здесь? Я его уже чувствовала в другом месте, но здесь им провоняло все! – Скорее себе, а не монаху был адресован вопрос.

– Это запах смерти. Без прикрас, без вуали, без какой-либо кульминации. Чистый, чище и не бывает. Там, где ты его впервые вдохнула, ты только соприкоснулась вскользь с адовой глоткой, но здесь, именно здесь, ты стоишь прямо перед ней, на пороге и запах сильный и явственный, как та червоточина, что лежит под ногами. Это запах первородного зла.

– Я встретила одну женщину, она вампир и зовут ее Морвэн, так вот она мне сказала очень странные вещи про миры и какую-то непонятную миссию, но более странным было то, что она утверждала, будто мы с ней не в первый раз виделись, хотя я ее раньше никогда не видела и не знала ее имени. А вам что-нибудь известно об этом? – Элен с последней искоркой надежды взирала на того, кто начал терять контуры и очертания, словно стирался из пространства.

– Ох, уж эти вампиры! Болтливы не в меру. Ты все узнаешь в свое время и место, Элен. Я не могу дольше сдерживать зло, мой срок пребывания здесь истек и не в моей власти более заглушать черный зов. Уберечь тебя не в моей силе. Беги или борись! Ты дитя Луны и не должна давать себя в обиду злу. Спасайся, дитя! – На глазах девушки странный монах растворился в воздухе, унося с собой обрывки слов.

– Но как? Как?! Как мне отсюда убежать?! Вокруг же море, буря! Это же невозможно! Погоди, не пропадай! Мне нужна помощь.... Что это?

На Элен накатила неприятная волна звуков снизу, исходящая очевидно от черного пятна. В голову ворвался шепот, вкрадчивый и зловещий, он опутывал сознание невидимой нитью и начал тянуть девушку вниз. Не понимая, что она делает, Элен подчиняясь странному зову, подошла к лестнице, ведущей вниз к пятну, и стала спускаться.

С каждой пропущенной ступенькой зов усиливался и давил на сознание жесткими тисками. Несчастливая жертва боролась с невероятным усилием: пальцы рук сжимали поручни лестницы, пытаясь замедлить и удержать тело, попавшее во власть чар, до такой степени, что костяшки на кистях рук побелели, а жилы вздулись маленькими змейками, и с каждым шагом ладони растирались до красных мозолей. Крик застрял в горле острым комом и вместо слов вырывались хрипы.

Когда последняя ступень осталась позади, девушка была в полной власти черного зова и послушным шагом брела к червоточине. Только глаза еще выражали скрытую борьбу и отчаяние. Где-то в глубине сознания всплыла из памяти одна средневековая легенда о Гамельнском крысолове.

Легенда гласила: «Однажды некий город Гамельн подвергся множественному нашествию крыс. Никакие ухищрения не помогли избавиться от грызунов. Обнаглевшие твари стали нападать на домашних животных, а также, прокрадываясь в дома, кусали младенцев в люльках, что повергало горожан в еще больший ужас. Отчаявшиеся главы города объявили о награде любому, кто поможет избавить город от крыс. В один из дней в городе появился одетый в пестрые одежды незнакомец. Неизвестно, кем он был на самом деле и откуда появился, но получив от магистрата обещание, выплатить ему в качестве вознаграждения «столько золота,

сколько он сможет унести», он вынул из кармана чудо-флейту, под звуки которой все городские крысы сбежали к нему, как замороженные, а он вывел околдованных животных прочь из города и утопил их всех в ближайшей реке. Но, жадность людская не знает предела и главы города пожалели о данном им незнакомцу обещании, и когда крысолов вернулся за наградой, отказались от выплаты заслуженной награды. Музыкант ушел, но пообещал отомстить городу страшной карой, страшнее, чем те крысы. Через время он вернулся в город уже в ином одеянии и не был признан никем. И вновь заиграл он на волшебной флейте, но на этот раз к нему сбежали не крысы, а все городские дети, в то время, как зачарованные странной музыкой взрослые не могли этому помешать. И, как гласит легенда, крысолов вывел из города сто и тридцать рожденных в Гамельне детей, и все они пропали бесследно. И не было конца и края горю безутешных родителей, но такова была расплата за жадность. А детей так и не нашли, и тайной осталось то, что с ними произошло далее».

Именно одним из этих несчастных детей сейчас себя ощущала Элен, идущая на зов, может именно такой конец был той мрачной истории, дожившей и долетевшей через века, и бедняг проглотила червоточина. Как знать.

Пятно волновалось и ликовало в буквальном смысле: огромные волны пробегали по черной глади, и, падая на край своих берегов, жадно тянулись тысячами щупалец к околдованной жертве. Девушка подошла совсем близко, в метре от ее ног чернела ползущая рука червотчины.

Крышу купола вдруг пробила огромная невыносимо яркая молния и уйдя в центр черного пятна, оставила за собой дождь из стеклянных осколков. Ветер ворвался внутрь корабля, задувая все светильники и погружая все во тьму. Каким-то чудом вслед за ветром сквозь черные дождевые тучи высвободилась Луна и в тот же миг сквозь разбитый купол осветила внутренность судна. Под теплым желтым лунным светом червоточина забурлила и закипела, но все равно тянулась к девушке. Тысячи искореженных злобой голосов сливались в один безумный черный ядовитый вихрь.

– Нет! Ты моя! Не отдам! – Черное щупальце резко метнулось из клокодавшей ямы и, обвив тонкую шею девушки, сжалось, утягивая ее в свое нутро. – Она моя! Уйди! Сгинь! Здесь всё моё, моё! Она моё!

Ледяное скользкое щупальце до крови вонзилось в кожу, перекрыв последние остатки воздуха. Лицо Элен побагровело, жилы на висках и скулах вздулись, а рот исказила судорога, слезы боли выступили на глазах. Последними остатками сил она упиралась ногами в уступ, последнюю черту меж ней и червоточиной. Еще шаг и она упадет туда, увязнет, утонет в живой тине.

Щупальце сдавило еще сильнее горло и резко дернуло пленницу в свою сторону. Устояв на носочках, девушка сквозь плену слез и боли заглянула в самый центр, самую суть черноты и все страхи, что когда-то таились внутри нее, ожили и теперь лезли со дна, которое было похоже на бесконечную воронку с множеством торчащих, словно колья, клыков.

И сверху раздался голос, тот самый, что оберегал и спасал Элен уже дважды:

– Отпусти ее!

Произошло невероятное, щупальце тотчас потеряло всю силу и мощь и, отпустив шею несчастной пленницы, быстро вобралось обратно в общую массу.

– Элен, дитя, дай мне руки свои и не бойся. – Свет усилился, его можно было ощущать, им можно было наслаждаться, а голос продолжил. – Тебе пора дальше. Твое пребывание здесь закончено и другие миры ждут. Пора, следуй за мной.

Голос перешел от слов в пение, и чернота стала отходить и съеживаться, уменьшаясь в объемах. Девушка вытянула вверх руки и смотрела на лунный диск, заворачивающий и согре-

вающий своим светом. Голос был знаком и приятен, ощущение покоя разлилось по телу Элен, и она улыбнулась.

Люди, бродившие в потемках обмякли и попадали, их души теперь были свободны, а тела мертвы, как и должно было быть давным-давно. Червоточина же, издав дикий крик, взорвалась и испарилась под действием лунного света.

Корабль был очищен и свободен, как и души его экипажа, эта мысль радовала и добавляла грусть в случившееся событие.

Девушка почувствовала, как ее ноги оторвались от пола, и она начинает подниматься вверх к куполу, луч света ее вытягивал из корабля, некогда проклятого, но теперь свободного, который теперь стремительно тонул. Взглянув вниз, Элен увидела потоки морской воды, устремившейся в огромную пробоину на месте червоточины. Как и говорил монах, корабль был обречен утонуть. Но девушку это уже не волновало, она летела в ярком лунном потоке, а скорость все увеличивалась и нарастала, и в ушах ветер ревел мощным мотором. Глаза болели от слепящего света и сильного потока ветра, и она их закрыла, а когда свет утих, осмелилась приоткрыть глаза.

Она даже не успела удивиться. Элен сидела в машине, мчавшейся на бешеной скорости, и звук мощного двигателя заглушал все вокруг.

– Доброе утро, Ребекка. Ты с ночной смены? Смотрю совсем замученная.

– Здорово, Кларк, не то слово. Глаза слипаются, нет мочи совсем. Перед глазами подушка с теплым одеялом маячат. Да и «проблемная» еще на мою голову.

– Кто у тебя в отделении?

– Да девушка молоденькая. Авария, наезд на людей в зоне остановки. Ей досталось больше всех. Чудо уже то, что она отделалась в основном черепно-мозговой. Правда, в коме бедняга. Мать вот почти не отходит, с сестрой дежурят.

– Ну, таких много у нас и каждый день. Так в чем ее «проблема»?

– Понимаешь, Кларк, вроде все в норме. Лежит себе под капельницей, есть не просит. Не смейся. Дело, знаешь ли, такое. Не могу подобрать слова, но вот оборудование у нее уже несколько раз переставало работать. Какие-то странные сбои, а ведь мы его получили пару месяцев назад. Совсем новое!

– Мало ли, все бывает, Беки, новое часто выходит из строя в начале эксплуатации, пока настроится и подстроится под пациентов. Не думай об этом.

– Эх, Кларк, смешно тебе это, да знаю я это прекрасно и без тебя. Но не с такой же частотой! Я еще такого не видела, чтобы дважды за сутки.

– Не думай об этом. Обычный сбой и не более. Жива же твоя пациентка и ничего ей не будет. Иди домой и выпишись, как следует. За ней присмотрит, Стив.

– Да, ты прав, удачной смены, Кларк.

*Окутанный в одежду снов,
Стоишь ты у ворот сомнения.
И вот твоей души круговорот
Тебе дает подсказку, сна решения.*

*Всей простотой окутана мечта
И гениальность сути наполняется
Любовью жизни и наделена*

Тем выбором, что явью называется.

СТРАННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Элен сидела на заднем сидении просторной широкой машины в компании молодых людей, которых видела впервые в жизни, но они ее отчего-то знали даже очень хорошо и звали ее по имени, и вели себя так, словно она давным-давно была их подругой. Это было похоже на оживший стоп-кадр, до которого она ничего не помнила, но все было естественно и естественно. Девушка не стала нарушать идиллию, царившую в автомобиле отрицанием знакомства, а решив расслабиться после столь неприятных пережитых испытаний, отдалась скорости и положительному настрою, буквально переполнявшему салон авто.

«Слава Богу, кошмар прошел, жуткий сон и только. А вот это – приятное продолжение, и ребята милые и так похожи на мою веселую компашку. Интересно, а моим друзьям снится такая же поездка с этими людьми? Проснусь и спрошу».

На заднем сидении с ней соседствовали две приятные девушки, блондинка и брюнетка, весело щебечущие и хихикающие, а на передних креслах расположились двое ребят. Тот, что сидел рядом с водителем, веснушчатый золотоволосый парнишка в синих джинсах и белой футболке, был явным заводилой и всю смешил компанию, забавно жестикулируя и сыпля перлами, а тот, что непосредственно сидел за рулем и управлял «отцовской колымагой», как он не раз ее называл, смеялся, вставляя время от времени свои остроумные комментарии, и был в черных джинсах и накинутой поверх майки зеленой рубашки. Водитель следил за дорогой, а также украдкой за девушками в зеркало заднего вида, отводя пронзительно голубые глаза от случайно пойманного на себе взгляда, и рассеяно ерошил пепельную копну волос, спускавшуюся на глаза.

Девушке эта милая компания очень живо напомнила ее университетских друзей, с которыми она дружила с самого начала обучения и проводила постоянно время. В ходе беседы Элен узнала имена своих знакомцев: девушки, Кэти и Мэг, были похожи на ее милых подружек-близняшек Рэйчел и Рут, а ребята, Майкл и Ник, на весельчака Билла и скромнягу Шона.

Вся компания пестрела яркими сочными красками хиппи, на девушках были цветастые длинные юбки и не менее живописные топы, длинные волосы их были свободны и рея в силовом потоке ветра, пронизывающего салон машины сквозь приоткрытые окна, переплетались кончиками меж собой, внося особую ноту простора угольно-белого колора. На Элен тоже была длинная юбка свободного покроя с ярким, прямо-таки кричащим, принтом из крупных цветов, на ногах были одеты легкие из плетеной кожи босоножки, а тело прикрывала воздушная белая блуза из полупрозрачного хлопка, заправленная с небольшим напуском в юбку. На руках у всех девушек красовались яркие плетеные из ниток браслеты, словно маленькие кусочки радуги. Настроение у компании было лучше некуда, и в дальнейшем день обещал только самое хорошее.

За пределами машины приветливо светило утреннее солнце, свежий ветер, обдувая в припущенные окна, приятно бодрил. Машина ехала по узкой набережной улочке тихого города, который обликом напомнил Элен Амстердам, виденный ею на фотографиях подруги, жившей год назад в сем городе по обмену студентами, а также нахлынули воспоминания, почерпнутые из просмотров познавательных фильмов канала National Geographic Channel. Но одно дело восторгаться красотами города, пялясь в голубой ящик, а другое дело, когда эти красоты можешь лицезреть на расстоянии вытянутой руки.

По левую сторону узкой дороги, являвшейся одновременно и набережной, с плотно прилегавшими к ней домами тянулся водный канал с множеством перекинутых через него каменных мостков. Водная гладь реки чернела безмятежным спокойствием, и лишь изредка проходила по воде мелкая рябь от проносившегося порыва ветра. По правую сторону проезжей части

вытягивались узкие трех-четырёх этажные дома, выкрашенные в приглушенные оттенки различной палитры и соседствовавшие вплотную друг к другу.

Вдоль набережной у ограждения были припаркованы миниатюрные автомобили и бесчисленное количество всевозможных велосипедов. «И в правду Амстердам! Такие же точно улочки с велосипедами и домами!».

Единственное, что настораживало, так это полное отсутствие людей, животных и птиц на улицах. Было неестественно тихо, не трепетали занавески на окнах, ни одного дворника или почтальона, заботливо опекавшего свой район города, а воздух не будоражил лакомый запах свежей сдобы протекавших за окошками машины пекарен. И кофейни не заманивали в свои сокровенные нутра бодрящим ароматом соблазнительного кофе, они были погружены в крепкий сон. Но никто из компании молодых людей не обращал на это внимание, потому как в машине надсадно голосил плеер, забывая взрывными аккордами ударных и электрогитары ту пустоту, что изобиловала извне.

Подъезжая к повороту на маленькую улочку, машина снизила скорость, чтобы вписаться в узкий изгиб. У самого края тротуара стоял мужчина странного вида. Это был первый житель, встреченный машиной в спящем городе. На незнакомце был черный костюм а-ля лондонский денди времен Шерлока Холмса, голову украшал высокий черный цилиндр, правая рука в черной перчатке сжимала отполированную головку изящной трости, а глаза скрывались за черными круглыми стеклами очков в тонкой металлической оправе.

Когда машина поравнялась с мужчиной, Элен почувствовала с его стороны на себе пристальный взгляд, хотя стекла очков полностью скрывали глаза незнакомца. «Наверное, показалось» – решила девушка и снова вернулась к беседе с друзьями.

Посоветовавшись, ребята решили покататься в центре города, как говорится, воспользоваться отсутствием пешеходов и полисменов и, углубляясь по узким дорожкам, нырнули в очередной поворот. У края тротуара в том же положении, как и ранее, стоял тот же незнакомец. Элен припала к окну и всматривалась с крайним удивлением и беспокойством, ощущая снова на себе цепкий и неприятный взгляд. Но как же он сумел попасть туда раньше их? Это просто невозможно!

– Невозможно... – прошептала себе под нос девушка. – Просто невозможно.

– Что-то не так? Эл, что ты шепчешь? Громче скажи, – рядом Мэг, яркая брюнетка, улыбнулась и хитро прищурилась, задумывая шутку.

– Мэги, ты запомнила того мужчину на повороте? Я готова поклясться, что видела его на предыдущем повороте пару кварталов назад. – От волнения, Элен, схватила узкое запястье соседки и трясла его, словно пыталась передать свое взбудораженное состояние.

– Да. Там стоял какой-то тип в старомодной одежде. Но я не думаю, что это тот же, что нам встретился сейчас. Да успокойся, Эл, ты мне руку оторвешь, подруга. Тебе просто показалось, так ведь, ребята? – Возразила, мило улыбаясь, подружка. – Тебе показалось, Эл.

– Эй, Эл, а ты часом ничего не курила до нас? – Майкл смотрел на нее из зеркала заднего вида и еле сдержанно улыбался, а потом прыснул со смеху.

– Нет, мне не показалось! Это точно он. И мне не понравилось, как он смотрел в нашу сторону. У меня аж мурашки по телу до жути. Прекрати, Майк! – Парнишка увернулся от направленной в него затрецины и, показав в зеркало язык, замолчал.

Ребята отпустили еще пару шуток на тему дежавю Элен и продолжили свой веселый путь дальше. Но когда проезжая очередной поворот, на краю обочины снова появился тот мужчина и в той же позе, девушка уже не выдержала и закричала друзьям, тыча пальцем в стекло окошка, заостряя максимально их внимание на подозрительном пешеходе.

Теперь все в машине внимательно успели разглядеть незнакомца, и были вынуждены согласиться с правотой Элен. Увиденное насторожило ребят, и веселье как рукой сняло, их

подруга же испытывала уже неподдельный страх и беспокойство. Пропетляв по узким улочкам, ребята снова выехали к каналу и шутками пытались успокоить Элен и себя, хотя это получалось слишком вяло.

Но на новом повороте их ждал незнакомец. Теперь все его заприметили издали, и Майкл остановил машину в метрах 30 от странного типа. Не сговариваясь, парни, молча, вышли из машины и направились в его сторону. Незнакомец стоял, как вкопанный и молча, ожидал их приближения, лишь солнечные блики пробежали по стеклам очков, когда он чуть заметно повернул голову.

– Эй, ты кто? Чего тебе от нас надо? Какого хрена ты нас преследуешь? – крикнул Майкл, инстинктивно сжав пальцы в кулаки. – Чего молчишь, урод? Думаешь, напугал? А вот ни хрена!

«Прям, как и Билли, такой же забияка и смельчак, тот так же первым в драку лезет и получает первым».– С теплотой подумала Элен, вспоминая друга.

Мужчина продолжал, молча стоять, и легкая неприятная ухмылка придала его до неприятно белому лицу еще более отталкивающее впечатление. Это еще больше взбесило Майкла и он, подойдя, схватил за плечо незнакомца и дернул. Ник догнал друга и встал с другой стороны. Неприятный тип был зажат с двух сторон, и бежать ему было некуда.

Но! Подняв трость, мужчина стукнул ею об асфальт и от рукоятки ее разлился восходящими потоками зеленый свет, распространяясь на ребят и накрывая стоявшую неподалеку машину. Элен зажмурилась от яркого света и на мгновение потеряла из виду троицу. Снова все замерло, и вот тишину прорезал скрипучий мерзкий смех, который ей был знаком ранее, но сейчас она не могла вспомнить, где и когда.

Девушка осторожно открыла глаза, зеленый свет пропал, и солнце по-прежнему согревало город, но что-то было совсем не так, да, абсолютно не так! Майкл и Ник застыли рядом с незнакомцем в тех позах, в которых их накрыл странный свет: Майкл продолжал сжимать правой рукой то место, где ранее было плечо мужчины, глаза юноши были зажмурены от яркой вспышки, Ник же стоял рядом, закрывая лицо руками. Оба не двигались, словно это были не живые люди, а восковые фигуры.

Элен повернулась в сторону подруг и отшатнулась в ужасе: девушки сидели неподвижно с открытыми ртами и остекленевшими глазами и не подавали признаков жизни, словно большие куклы-истуканы. От испуга девушка еле справилась с дверцей машины и, запутавшись ногами в ремне безопасности, выпала на асфальт. Быстро поднимаясь на-четвереньки, она искоса следила за незнакомцем и отползла за машину, ища хоть какое-нибудь убежище; увиденное ее напугало до чертиков, и она еще не осознала, что снова одна и каким-то чудом ей удалось избежать того, что произошло с ее приятелями. А подозрительный тип, вольготно себя чувствуя, прохаживался около замерших ребят, отстукивая об асфальт чечетку металлическим наконечником трости.

–Выходи немедленно, дочь Луны! Я тебя заметил уже давно. Ты не подвластна моим чарам, но это пока. Вот придет ночь и тогда...– снова раздался этот противный смех, который пробирал до мурашек. – Подойди ко мне, Эления! Немедленно!

Этот смех, ну точно! Карлик, гнусный гном и пожиратель сердец, что чуть было не погубил ее в своем мрачном мире, вот откуда ей был знаком этот невыносимый смех, вот отчего ей снова стало страшно, очень страшно! И снова ждать помощи неоткуда, снова сама должна выпутываться.

– Ну же, долго я еще буду призывать тебя или мне самому к тебе подойти? Тогда уж поверь, хорошего тебе и приятного мало что будет. – И снова впрыск ядовитого смеха.

– Кто вы такой и что вам нужно от меня? – Осилив свой страх, выкрикнула Элен, сидя на корточках и прижимаясь спиной к бамперу.

– Ты меня не знаешь, а узнав, тебе это не поможет. Люцианус мое имя. И нужна мне твоя душа. Все очень банально, дитя. Все очень банально.

Холодок пробежал по коже от каждого слова, произнесенного скрипучим, как у не смазанной двери, голоса, каждый звук был приговором для нее, но ее волновало сейчас другое.

– Что вы сделали с моими друзьями? Они живы?

– Ну, в какой-то мере живы. Спят они зеленым сном. Весь город спит. Всё спит. И так будет вечно! И ты уснешь. – Улыбался злой голос чародея.

– А, если я отдам вам свою душу, вы расколдуете моих друзей? Вы их отпустите? – Она понимала всю тщетность своего вопроса, но это была последняя попытка отсрочить неизбежность их встречи.

– Ты же умная девочка, к чему эти глупые и наивные вопросы? Ты все прекрасно понимаешь и знаешь без меня. Так что хватит препираться, поднимай свой зад и иди ко мне!

От этих слов и наглости, исходившей от колдуна, в ней пробудилась ярость, которая шквальной волной накрыла ее, смыв все остатки неуверенности и затмив страх. До сего момента она и не подозревала, что может быть не просто злой, а лютой, стоит кому-то обидеть дорогих ей людей, а к этой компашке она успела прикипеть сердцем. Но и жизнь ее не ставила в такую ситуацию. Элен решила бороться до конца, пускай и быстрого, но бороться, царапаться, кусаться, драться. Просто так она не сдастся этому наглецу, этому поддонку, черт возьми!

Поднявшись на дрожавшие ноги, она развернулась и твердым шагом направилась в сторону чародея.

– Ну, вот и славненько, давно бы так. – Белое и вытянутое лицо, как у крысы, растянулось в отвратительном оскале желтых зубов. – Хорошая девочка. Сейчас все быстро закончим, и все будет хорошо. Для меня. Ха-ха-ха.

Но толи взгляд девушки заставил оборваться этот гнусный смех, толи ее решительная поступь, Люцианус замолчал, будто что-то почувствовал.

– Что ты делаешь? – вдруг незнакомец отшатнулся, когда Элен подошла слишком близко и протянула руку, чтобы ухватить его. – Не смей меня касаться! Не прикасайся!

Но девушка дотянулась кончиками пальцев до черного фрака, и произошло самое неожиданное: лицо колдуна исказил ужас и он, резво отскочив, с разбега через каменную ограду сиганул в канал, иного пути к отступлению у него не было. Элен подбежала к невысокому, едва равнявшемуся ей по пояс, ограждению, отделявшему проезжую часть от обрыва в воду и, перегнувшись, проследила за убегающим злодеем. К ее невероятному удивлению того не было в спокойных водах канала, но на противоположном берегу он стоял совершенно сухой и гримаса злобы и ненависти искажала его рот.

– Я доберусь до тебя! Мерзавка! Заберу твою душу, и больше никто не сможет нарушить сон этого городишки! Никто! Это мой город, слышишь, сучка? Мой и только мой! Твоя проклятая Луна не сможет тебе помочь, как и прежде, не в этот раз! Берегись! Ночью!

Люцианус снял очки, на их месте на Элен смотрели два горящих зеленым светом глаза, излучавших злобу и страх одновременно. Открытый рот выдался вперед, обнажая острые длинные клыки. Элен невольно чем-то напугала колдуна, и тот злился от этого еще сильнее.

– Ты застынешь навсегда здесь. Тебе никто не поможет! Даже время под моей властью спит. Ты навечно здесь останешься. Мертвая и бесполезная, как и твоя Луна! – Он поднял трость и направил в ее сторону, а затем растворился в воздухе.

– Я не боюсь тебя! Слышишь, не боюсь! Я найду способ остановить тебя и верну этому городу жизнь! – Кричала в пустоту девушка, эхом разносились ее слова по каналу, но ответа не последовало, чародей исчез. – Но как я это сделаю? Как?!

Обхватив голову руками, Элен села на корточки, словно маленький нахохлившийся воробушек и заплакала от бессилия. Снова она была одна в незнакомом городе, и помощи ждать было неоткуда, а драгоценное время утекало, как песок, что просеивается меж пальцев.

Откуда-то подул ветерок, приятно согревая; девушка подняла лицо и подставила его воздушному потоку, который невидимой легковесной дланью, приглаживал ее по длинным волосам, ласково касался лица, успокаивая и забирая горечь. Слезы просохли, а до ее слуха стал долетать странный легкий шелестящий звук, который вскоре перерос в осязаемый легкий шепот, что обволакивал и успокаивал:

– Не бойся, дитя, ничего не бойся. Колдун не сможет тебе причинить зла... Он даже не смеет к тебе прикоснуться, ибо смерть найдет себе. Пока не наступит ночь. Он сам испуган. Не ожидал, что ты настолько чиста и сильна. Ты можешь спасти город и снять злые чары, только поторопись, дитя. Поторопись... Часы должны пробить и город разбудить! Но торопись, ночью ты попадешь во власть зла и, даже Белая Луна не сможет тебе помочь.

– Какие часы? Кто ты? Как мне их найти и где? Помоги! – девушка вскочила на ноги и закричала что есть мочи, озираясь по сторонам, но никого не было.

– Слушай свое сердце, дитя, ты уже знаешь ответ. Скорее! Скорее! Дай часам пробить... спеши... до ночи...

Голос улетал вместе с теплым ветерком, оставляя обрывки слов, которые постепенно перешли в тонкий умолкающий звук. Элен вытерла остатки слез с лица и задумалась над словами.

«Надо думать логически, успокойся Элен, подумай, где и какие часы должны пробить? Если они должны разбудить весь город, то должны быть большого размера, просто гигантского, а где же таким часам самое место? Очевидно, что в центре города, на какой-нибудь площади». И вот тут ее осенило. «Стоп! Мы же недавно проезжали мимо городской ратуши и там, на башне гигантские круглые часы висят! Это они! Точно! Мне туда надо!».

Наполненная уверенностью в своей догадке, девушка направилась в центр города к старинной ратуше, зная твердо, что нужно сделать. Она помнила приблизительно дорогу, ведь совсем недавно проезжала с друзьями по городскому центру, петляя по улочкам.

Убыстря шаг, путница в пестрой юбке углублялась в пустынные улицы все дальше от канала и все ближе к своей цели. Оставалось преодолеть всего один квартал по ее подсчетам и вот тут дорогу ей преградил возникший из ниоткуда колдун.

– Остановись немедленно, Лунная служанка! Подумай, как следует, надо ли тебе рисковать жизнью ради этого городка, который и слыхом о тебе не слыхивал, да и, проснувшись, не признает тебя? Стоит ли этот город усилий, когда все предрешено? Если ты отступишься, то я дам тебе полдня форы, так и быть, но, при условии, что ты немедленно уберешь свой зад из моего города!

– Это не твой город и ты не хозяин ему! Люцианус, я пройду к часам, и ты меня не остановишь! Я видела твой страх, а, значит, ты не такой уж и непобедимый. – С дрожью выкрикивала Элен, не уверенная и наполовину в то, о чем заявляла.

– Ну, что ж, может ты и наделена силой своей покровительницы, но ты глупа и заплатишься за вызов, что бросила Люцианусу, Хозяину времени!

Колдун трижды стукнул тростью об асфальт. В этот раз не было зеленоватого свечения, налетел сильный ветер, поднимая в воздух пыль и теребя вывески ближайших магазинчиков. Прикрывая глаза от песка, Элен остановилась в нерешительности, но в памяти всплыли застывшие силуэты друзей, и она, прикусив губу, упрямо шагнула вперед.

– Остановись, мерзкая девчонка! Не смей идти дальше! Это мой город и я хозяин в нем! Если ты еще сделаешь, хоть шаг, я убью тебя, как назойливую букашку. Раздавлю! – Проскрипел чародей.

Кричать в ответ она не могла, пыль, поднятая ветром, тут же набивалась в рот, чуть стоило его приоткрыть. Девушка продолжала идти, противостоя шквальному ветру, который казалось, хотел сорвать с нее одежду и трепал во все стороны длинные волосы, спутывая их в космы.

Люцианус направил трость на одну из машин, припаркованных у тротуара и ветер вдруг сконцентрировавшись в темную массу, обхватил машину. Автомобиль, управляемый тростью, был поднят до уровня второго этажа дома и с силой швырнут в девушку по указке колдуна. Элен чудом успела отскочить в сторону, машина же рухнула прямехонько на то место, где она только что стояла и, переворачиваясь, прокувыркалась, отбрасывая в стороны откалывающиеся детали, и осыпая воздух дождем битого стекла. Девушка почувствовала в руках, прикрывавших лицо, колющую боль и разбегающиеся тонкие ручейки крови, от впившихся осколков, но времени на обработку ранок не было.

Колдун выругался, заметив, что противница уцелела, и бросил в нее еще одну машину. С огромным трудом Элен удалось увернуться и от второго авто, неудачно упав и больно ударившись правым коленом; она перекатилась вокруг себя, и замерла на животе. Сердце колотилось в бешеном ритме, дыхание сбилось, но страх за жизнь заставил ее подняться, и сильно прихрамывая ушибленным коленом, она подбежала к ближайшему зданию, ища укрытие. Девушка замерла, прижавшись спиной к стене трехэтажного дома, первый этаж которого занимала бакалейная лавка, спящая сейчас, как и весь город и название которой она разобрать не успела.

Колдун на сей раз стал поочередно направлять свою трость на окна этого домика и сверху на девушку обрушились горшки с цветами. Они падали совсем рядом, разрываясь снарядами земли, цветов и битых черепков, а от одного не удалось увернуться вовремя, он с мощью гантели зарядил в левое плечо. Руку обожгла невыносимая боль, сменившаяся устрашающим онемением, предплечье теперь висело безжизненной плетью. Осколки другого горшка, разлетаясь в разные стороны вместе с землей, впилась в ноги и оцарапали руки и голову. Девушка вскрикнула от очередной порции боли, слезы непроизвольно текли, оставляя белые следы на перепачканном землей лице.

Дальше идти вдоль стены было бессмысленно, в любой момент сверху мог упасть горшок прямо на голову, удачно и навсегда. Элен решила рискнуть, и быстро оторвавшись от дома, побежала прямо на колдуна, уворачиваясь из последних сил от падающих снарядов. Люцианус видимо не ожидал такой атаки и такой прыти от своей жертвы, и когда девушка приблизилась к нему, спешно ретировался, снова растворившись в воздухе.

– Трус! Мерзавец! Что ты можешь без своей чудо-трости? Ну, ничего. Я доберусь еще до тебя, подонок! – Кричала в пустоту она, тело ее судорожно трясло, крик перешел в рыдание, и она дала волю сдерживаемым эмоциям.

Утирая слезы, она размазала грязь по лицу, страх стал отступать, на место истерике пришла нервная икота и чувство одиночества. Судорожно хватая воздух, она попыталась успокоиться и изгнать чувство жалости к себе, и когда ей, наконец, удалось взять эмоции под контроль, прихрамывая и постанывая от режущей боли, которая вернулась в пострадавшую руку, Элен пошла дальше.

Плечо горело в том месте, на которое приземлился злополучный цветочный горшок, место ушиба расползлось багровым пятном с кровоподтеком и с каждым маломальским движением отдавало режущей болью, парализуя всю руку. Элен чувствовала себя инвалидом, этаким раненым солдатом в неведомой и непонятной ей войне. Унять боль, убрать ее из своего тела и вернуть прежнюю жизнь в конечность – вот, что сейчас затмевало и перекрывало первоначальную цель ее действий.

Но вот впереди показался сначала шпиль, а затем предстало все здание городской ратуши, и путница, собрав все свое мужество и терпение в кулак, устремилась к намеченному

ориентир. Это было классическое средневековое строение из красного кирпича с покатою крышей из черной черепицы высотой с приличный пятиэтажный дом, в центре которого гордо сиял позолоченный шпиль, на котором из-за слабого ветра, а вернее из-за его полного отсутствия, обвис флаг с городским гербом. Сбоку ратушу венчала огненная башня прямоугольной формы с трапецеидальной крышей, возвышавшаяся над главным зданием на несколько десятков метров. Центр ее венчали величественные золотые круглые часы с посеребренными римскими цифрами, а в центре синего циферблата, из которого исходили стрелки, замершие на двух отметках, сияла огромная белоснежная Луна в окружении золотых звезд. И часы эти безмолвствовали.

Элен подбежала к центральной массивной двери, выкрашенной в изумрудный цвет и ведущей в здание ратуши, обхватила ее обеими руками и дернула на себя. Тяжелая дубовая дверь с трудом поддавалась на усилия, но все же, распахнулась, изнутри пахло сыростью и прохладой. Девушка переступила порог и вошла внутрь.

Кругом царил полумрак, рассеиваемый частично солнечным светом, льющим в круглое окно над самым входом. Никого не было в приемной комнате, и каждый шаг гулко отлетал дробью от каменного пола к высоченному потолку. Лишь одинокий стол в углу с какими-то бумагами и горкой аккуратно сложенных белоснежных полотенец, Бог знает, для каких нужд, разбавлял пустоту помещения, и девушка направилась к нему. Не раздумывая, она соорудила перевязь из парочки полотенец, оставленных, как будто специально для нее. В повязку, накинутую на плечо, была просунута травмированная рука, что существенно снизило боль. «Словно кто-то знал, что сюда приду я с ушибленной рукой. Как это странно». Заодно, она перевязала и саднившее колено.

Пройдя этот закуток, Элен вошла через круглую арку, служившую своеобразным проходом, в просторный светлый зал, который, видимо, предназначался для важных городских собраний. Стены украшали огромные витражные окна на сказочные сюжеты – рыцари сражались с огнедышащими драконами, прекрасные дамы дарили цветы своим мужественным избранникам или водили хороводы у костра, трубадуры воспевали подвиги героев, а короли властвовали над всеми, величаво восседая на тронах. И свет, преломляясь сквозь причудливые картины стекла, погружал помещение зала в разноцветное море ярчайших оттенков. Со стен взирали не менее интересные и не менее яркие личности, относившиеся уже скорее к историческим лицам города и вытканые в давние времена на толстом гобелене.

Элен остановилась на мгновение, залюбовавшись на такую редкую красоту, ей еще не доводилось видеть такого мастерства и тончайшей работы воочию. Но нужно было идти дальше и, оглядев зал, она поспешно выбрала черную дверь, которая должна была, как она надеялась, вывести ее к башне. Судьба благоволила ей, эта дверца привела ее через узкий, но длинный коридорчик в соседнее крыло здания к лестнице, по которой Элен стала подниматься в нутро башни, к часам.

Лестница была выполнена из розового мрамора и в ширину годилась для свободного хода одному человеку, ступеньки за многие столетия сохранили идеальную форму и поблескивали в полумраке, приходилось идти аккуратно, на отполированной поверхности ноги норовили соскользнуть с округлых краев ступеней. «Лестница выглядит так, словно ее совсем недавно создали, а, может, по ней редко взбирались, и поэтому она так прекрасно сохранилась?».

Стены из красного кирпича в лестничных пролетах окаймлялись малюсенькими узенькими окошками с решетками, выполненными из тонких витиеватых прутьев. Вот за счет этих оконцев и были видны ступени, а девушка беспрепятственно добралась до небольшой дверки, за которой и находился гигантский часовой организм. Огромные валы и шестерни поражали своими размерами, но за ними явно не следили, весь механизм был окутан толстым слоем серой паутины, а деревянный настил пола давно захватила в плен и поглотила вездесущая

пыль. Однако в этой серости четкими отпечатками распространялась цепочка следов, по линии рисунка, несомненно, принадлежащих одному и тому же человеку.

Между зубчатым валом и шестернею Элен разглядела вставленный кем-то черный камень, который заблокировал движение всего механизма. Подойдя ближе, ей удалось разглядеть выдолбленные на камне странные письмена. Очевидно, это было заклинание, которое нес в себе камень размером с футбольный мяч, но приплюснутый по форме. Чтобы подойти к нему, нужно было прежде разобраться с паутиной, сильно затрудняющей передвижение по комнате. Этим и занялась девушка, усердно срывая со всех деталей противную липкую гадость, отвоевывая шаг за шагом пространство и борясь с болью в руке и с омерзением от соприкосновений с вязкими тенетами.

Увлеченная уборкой, она и не заметила появления того, кто натворил весь этот беспорядок, колдун стоял у нее за спиной и уже направлял на нее свою трость.

–Обернись, Эления! Встреть смерть лицом. Я тебя предупреждал! Ты заплатишься за свое вмешательство в мои творения.

Девушка вздрогнула и резко обернулась на хриплый голос. В полумраке свет пробивался лишь с входа в комнатку, и колдун, стоявший в просвете, казался еще больше и страшнее. Кожа его лица отливала в землистый цвет и потрескалась, как если бы была сделана из глины. Глаза горели жутким зеленым огнем, а из раскрытого рта-пасти вырывался хрип вперемешку с паром, в помещении вдруг образовался холод, источавший отвратительный запах гнили и разложения.

Раздался тихий щелчок и из трости на конце выскочил тонкий заостренный клинок. Чародей сделал резкий выпад вперед и попытался проткнуть Элен острием, но та вовремя отскочила, тогда Люцианус повторил атаку. Вскрикая и уворачиваясь от новых выпадов, молниеносных и бесшумных, девушка искала укрытие за многочисленными шестернями, а жало клинка мелькало со стремительной скоростью, едва не достигая цели. Колдун в бешеной одержимости сократил расстояние и глубже тыкал тростью между элементами механизма в надежде зацепить свою жертву.

И вот в определенный момент, толи из страха, а толи инстинктивно защищаясь, Элен удалось ухватить одной рукой черную перчатку негодяя, крепко сжимавшую набалдашник, а другой рукой она вцепилась чуть пониже за саму трость. Такого Люцианус не ожидал, и когда девушка с криком рванула трость на себя, то не смог удержать гладкую рукоять в пальцах и слегка покачнулся.

В ее руках трость перестала излучать свет, побелела и стала намного легче, а клинок отвалился и рассыпался в прах. Колдун, закричал от ужаса и боли – рука, только что державшая трость, стала трескаться и рассыпаться; не смея приблизиться и выставив вперед осыпающиеся руки, ища защиты, он пятился в темный угол и вжался в него, не переставая орать.

– То, что надо! – Воскликнула Элен и сильным ударом выбила камень из тисков шестерни и вала, словно это был не камень, а шар, а в руках у нее была не трость, а кий для игры в бильярд.

Тут же медленно и со скрипом начал вращаться вал, увлекая зубцами громадную шестерню, а та привела в движение все остальные детали часового механизма. Комната наполнилась шумом движущихся в разных направлениях деталей, а когда минутная стрелка с обратной стороны циферблата сделала свой первый ход, раздался оглушительный удар боя. Бросив не нужную уже никому трость, Элен зажала ладонями уши, но часы били с такой мощью, что казалось, барабанные перепонки не выдержат и лопнут.

Девушка взглянула в сторону колдуна и увидела следующее: с каждым пробитым ударом Люцианус корчился и изгибался, упав на пол. Он что-то кричал, но бой часов заглушал полностью его голос. Зрелище было не для слабонервных: колдун разрушался на глазах, кусками опадая на каменный пол, уменьшался и истончался, словно фигура из песка. В углу лежала

небольшая кучка древней пыли, а на последнем ударе исчезла и она. А вслед за своим безжалостным хозяином пропала и трость.

– Не стоило тебе трогать моих друзей. За что боролся, на то и напоролся, красавчик. – Устало выдохнула она в пустой угол.

Единственной загадкой осталось – почему чародей называл Элен иным именем и говорил с ней, как со старой знакомой, но сейчас ей было не до отгадывания этой головоломки, она попусту задвинула ее глубоко в память и заперла. До времени.

Далее не выносимо было находиться в этой пыльной и пропахшей тленом комнате, и она вышла, стискивая зубы от нарастающей в руке боли и прихрамывая с остановками, сошла по лестнице вниз. Выйдя из здания ратуши на дневной свет, она с удовольствием наслаждалась тишиной, уши еще болели, но уже было легче. На площади, где пробили спавшие во власти колдовства часы, появлялись первые горожане, они сонно зевали и удивленно оглядывались вокруг, а некоторые, недоумевая, всматривались в синий циферблат и озадачено почесывали макушку, гадая, куда же утекло время, пока они пребывали сладости сна.

Элен с улыбкой встретила стайку маленьких воробьев, шумно пролетевших мимо. Площадь наполнялась людьми, улицы звуками машин и голосов, все приходило в движение. Город ожил, а темные чары пали и теперь все входило в прежнее русло. Люди, очевидно, не помнили, что с ними произошло, но это было уже и неважно. Девушка стояла и улыбалась, она захотела вновь увидеть своих друзей, прикоснуться к ним и знать, что все с ними теперь в порядке, и уже было собралась вернуться в то место, где их оставила, но вот снова к ней прикоснулся тихий шепот, услышанный ранее у канала:

– Пора, дитя. Здесь тебе делать нечего. Тебя ждет другой мир. Ты нужна ему. Пора... – Голос обволакивал нежным теплом и затуманивал все вокруг. – Следуй за мной, дитя.

– Но как же они? Как я узнаю, что с ними все в порядке? Как? Я хочу их увидеть и знать!

– Ты уже знаешь. Пора. Торопись.

Элен нерешительно пошла на зов и ступила в легкую пелену тумана, образовавшегося внезапно и сокрывшего от нее площадь и людей. Марево сгущалось и темнело, послышался раскатистый шум, и в лицо пахнуло соленой свежестью.

Еще пара шагов и девушка ступила в сгущавшихся сумерках на мокрый песок, омываемый пенными волнами.

У автомата с кофе в больничном холле шел следующий диалог двух медсестер:

– Выдалась свободная минутка, Сара? Я смотрю, ты забегалась, мы с тобой давненько не пили кофе вместе.

– И не говори, Дрю. Сезон начался. С травмами так и несут.

– Слушай, Сара, а говорят, у вас какая-то странная больная появилась, что будто бы оборудование ломается у нее. Это правда? Я-то сижу в регистратуре, ко мне только слухи долетают, как птахи малые.

– Любишь ты сплетни собирать. Ох, Дрю.

– А что? Мне скучно совсем внизу. У меня ничего интересного не происходит, ты сама это прекрасно знаешь. Другое дело у тебя в отделении. Сама жизнь.

– Плутовка, ты Дрю. Ну да ладно. Есть одна у нас, три дня назад поступила. Уже несколько раз оборудование отключалось, а самое интересное, как только пытались ее реанимировать, то оно само включалось! Чертовщина какая-то. Мы уже шутим на этот счет: у больной к оборудованию любовь такая. Эх. Жалко ее, девочка совсем молоденькая, худенькая и бледненькая. И чем держится за этот свет, ума не приложу? Наверное, мать ее держит.

– Мать? А что такого в ней?

– Да моя сменщица, Тамара, помнишь ее? Брюнетка низенькая такая, из цыган.

– А ну помню ее. Эффектная дамочка.

– Так вот, она утверждает, будто бы, когда оборудование выходило из строя, и сердце девушки останавливалось аж, несколько раз, уму непостижимо, мать оказывалась рядом. Тамара уверяла меня, что именно мать свою дочь возвращала на этот свет, а не врач и оборудование. Ну, ты знаешь, какие цыгане суеверные. Я-то не верю во все эти штучки. Но именно она и разнесла по отделению, а оттуда и дальше по больнице пронеслось, что у нас в отделении странная больная появилась. По мне, так у девушки просто несовместимость на энергетическом уровне, ну знаешь там, когда часы ломаются на руке, или другая техника при соприкосновении. Все проще простого, нежели эта мистика.

– Ну, знаешь, Сара, а может и правда здесь мистика замешана? Все же в жизни бывает. Я вот, например, верю во всё такое.

– Ты в своей регистратуре и в черта лысого поверишь. Да ну, брось, все это чушь. Ой, все время закончилось, мне пора бежать. Ладно, как-нибудь пересечемся, и забудь ты про эти слухи. Все проще некуда.

*Тишина белела сочно
Расстилавшимся туманом.
И укутывала прочно,
В плен беря своим дурманом.*

*Шум огней ей подчинился,
Умолкая до рассвета,
Темноту зовя, склонился
И исчез в ней без ответа.*

*Молча, ангелы взглянули
В красоту ночного неба
И неслышно ускользнули
В море розового света.*

ПОСЕЛЕНЦЫ

Девушка стояла на берегу океана и не могла произнести ни слова, дикая красота вздымаемых бурлящих волн завораживала, поглощала и успокаивала одновременно. Набегая на берег и заглатывая жадными рывками песок, беспокойная вода мгновенно уходила обратно вглубь, оставляя белую шипящую пену.

Элен вдруг захотелось пройти босиком по пенным барашкам, как в детстве когда-то, они с Олиф были еще совсем маленькими и родители впервые взяли девочек на морское побережье. Тот первый раз отчеканился в памяти ребенка жгуче солнечным, с синевой без единого облачка и размеренным грохотом бьющихся в природной закономерности волн. Та соль, впервые коснувшаяся ее носа и языка, она тогда посвятила ее в некую тайну, окрестила и сделала частицей той бескрайней, волнами разбегавшейся отовсюду и в никуда воды. Малышка, тогда успокоенная и загипнотизированная мерным покачиванием барашек у самого берега, смело ступила в теплую и приветливую соль, быстро вбиравшую гостью в свои жадные объятия. Только резкий и испуганный окрик матери и вовремя подоспевший отец выдернули Элен из влажных и остывавших рук соли, затянувших девочку по самую шею. Это она помнила до сих пор и даже сейчас не могла понять, куда подевался весь ее страх перед водой, ведь до той поездки к морю она жутко боялась купаться и дома мама никогда не наполняла ей ванну,

предпочитая обычный душ. А тогда что-то поменялось для нее, будто тумблер повернули в другой режим.

Ей захотелось снова пройтись босиком по кромке соли и вспомнить то, что с ней случилось в детстве, понять, и она ... приподняла подол длинной юбки. Нет, не той цветастой хиппи из спавшего городка, совершенно другой. С удивлением девушка рассматривала свою новую одежду: плотная тканая юбка свободного кроя почти до пят и черно-желтого цвета, в котором просматривался замысловатый рисунок; кофта, связанная из грубой серой шерсти под которой чувствовалась приятная тонкая блуза, на ногах узкая кожаная обувь на манер чешек только с жесткой подошвой. Просто диво дивное.

«Что же случилось с моей одеждой? Забавно. Куда я теперь попала? Что за новый кошмар у меня впереди?». Она озадачено провела рукой по голове, которая была надежно упрятана в странный убор с рюшами и повязанный под подбородком. Кроме того, рука не болела, а все порезы и мелкие ранки пропали и излечились. В лицо дул прохладный влажный ветер и соль в воздухе приятно щекотала нос.

Элен подошла к линии воды, присела на корточки и погрузила ладонь в воду. Головной убор оказался самым что ни на есть обыкновенным чепцом, который в старину носили дамы, черный и с кружевами в виде рюш. Ничего особенного, но зато ветер не так сильно продувал голову. Несмотря на промозглость и суровость края, в который забросило путницу, вода на удивление была теплой и мягко обволакивала пальцы. Не раздумывая, девушка сняла обувь, приподняла юбку чуть выше колен и шагнула в набегавшую пену. До чего же было приятно ощутить пальцами ног расползающийся мелкий песок и мягкий ласковый массаж налетавшей воды. Улыбка сама собой подняла уголки ее рта, глаза закрылись в блаженстве; подставив лицо заходящему солнцу, девушка замерла, глубоко вдыхая свежесть океанского бриза. Что-то позабытое и тревожившее ее с детства вновь было здесь, рядом и еще пара шажков и она точно вспомнит...

Очнулась Элен от пронзительного крика чайки, несущейся во весь опор со стороны водной глади и довольно круто спикировавшей над головой девушки в сторону валунов, окаймлявших берег. От неожиданности Элен чуть не упала на мокрый песок, но сохранив равновесие, рассмеялась забавной проделке птицы. Солнце быстро садилось за горизонт, и нужно было найти достойный сухой ночлег, поэтому, девушка, подобрав юбку, пошла вдоль берега по кромке воды, все еще не желая расставаться с расковылающей легкостью волн, погружая в них при каждом шаге ноги по щиколотку. Пристально вглядываясь, она надеялась углядеть хоть какую-нибудь тропинку, по которой можно было бы пройти вглубь берега, за каменистой грядой окутанной непрерывной линией пышного кустарника, в надежде повстречать людей.

За двумя большими валунами впереди Элен уловила легкое движение и сделала несколько больших шагов с растущим волнением. Не спеша и медленно поправляя чепчик на голове, над камнями возвысилась фигура женщины и замерла, заметив девушку. Элен приветливо помахала рукой и направилась в сторону незнакомки, та же настороженно следила за приближавшейся чужачкой и не выходила из-за валунов.

– Добрый вечер, мэ. Будьте добры, помогите мне, пожалуйста. Я не из этих мест и не имею понятия, где нахожусь. Мое имя Элен Киндмонд. Скажите, что это за место? – Элен интуитивно поклонилась незнакомке.

Та все еще опасливо косилась из-за камней и не отвечала, видимо обдумывая сказанное девушкой. Тогда путница присела на один из ближайших камней, благо ими усыпан был весь берег, и не спеша принялась натягивать на влажные стопы свою нехитрую обувь.

– Красиво у вас тут. – Элен не знала, что еще сказать, чтобы хоть как-нибудь расположить к себе незнакомку. – Мэм, я говорю правду, мне и пойти некуда, а скоро же ночь наступит, если вам не в тягость, то подскажите, хотя бы дорогу к вашему городу. Я была бы очень признательна вам, мэ.

Что-то видимо тронуло женщину в облике пришлой скиталицы или обращение откинуло естественный страх, но она отозвалась:

– Ты заблудилась, дитя? – Заботливо спросила женщина, выглядывая без опаски из-за своего каменного убежища с явным интересом. – Недалеко отсюда за каменной грядой и пролеском лежит наша деревня Остеренд, названная в честь нашей родины, голландской деревушки Остеренд, откуда приплыл мой отец и другие жители. Они и основали здесь поселение и назвали его в память о родной земле.

– Так совсем рядом деревня! Я успею еще засветло попасть под крышу. Это чудесная новость, мэм. Могу ли я узнать ваше имя?

– На счет крыши ничего не могу сказать, нынче народ в деревне беспокойный и не особо жалует чужаков. Ой, что это я! Забыла представиться, Катарина Флорис, мое имя. – Женщина тоже наклонила голову в знак уважения и приветствия.

Элен смогла рассмотреть женщину лучше: длинная черная юбка из грубого тканого материала, такая же кофта с поднятым воротом, чепец черный, полностью скрывавший волосы на голове и завязанный под подбородком. На вид Катарине можно было дать не более тридцати лет, худощавая с загорелым лицом и натруженными жилистыми руками, она сжимала ручку небольшой корзинки, наполовину заполненной травами. Ясные голубые глаза излучали прямоту, простоту и тепло доверия.

– Я издаю, мой город не в здешних краях, а как я здесь очутилась и сама не ведаю. Мне нужен ночлег хотя бы на одну ночь, можете мне помочь? Может, посоветуете какой-то конкретный дом? – Спросила Элен и легкий румянец смущения пятнами выступил на щеках и шее.

– Думаю, что сейчас бесполезно тебе идти в деревню, говорю, нрав у людей стал крут и могут просто отказать в ночлеге даже в единственном постоялом дворе. – Лицо женщины посуровело на мгновение в задумчивости, но вновь смягчилось. – Но можешь у меня остановиться на ночь. Я все равно живу на отшибе, и мне не помешает компания. Заодно расскажешь про свой город и края, откуда родом. Мне очень интересны места, где я не была и вряд ли попаду когда-нибудь.

Катарина ласково улыбнулась и сразу помолодела лет на десять. Элен уже и не ждавшая, что ее вот так запросто пустят на порог дома, да еще и на ночлег, благодарно закивала и предложила помочь нести корзину с травами. Женщина, смеясь, согласилась, говоря, что ноша легкая, но видя смущение и порыв новой знакомой, передала ей в руки плетеную и правда легкую поклажу.

Путницы пробрались меж тесно соседствовавших валунов, отторгнутых когда-то древним океаном и лежавших в хаотичном порядке, белея словно кости первых земных людей, на неприметную узкую тропинку и поднялись выше по ней к широкой каменистой тропе, вдоль которой росла редкая растительность на скудной почве. Элен шла рядом с Катариной и слушала историю ее жизни.

Задолго до появления Катарин на свет Божий ее молодые, полные сил и энтузиазма родители вместе с другими отважными людьми из деревни Остеренд переплыли океан в поисках лучшей жизни. Местечко, на которое они высадились после странствия, приглянулось им, и было решено основать поселение именно там, а чтобы как-то унять гнетущую тоску по родине, поселение из двух с половиной десятков неуклюжих домиков получило имя родной деревни – Остеренд.

Мужчины были отменными рыбаками, а берега оказались богатыми разнообразной рыбой, что весьма благотворно повлияло на жизнь поселенцев. Некоторые из жителей привезли с собой домашний скот, который разросся с годами и обеспечивал необходимыми продуктами селение. Со временем деревушка разрасталась, место первичных неказистых изб

теперь занимали просторные добротные дома, огороженные крепкими заборами. У каждой хозяйки имелся рядом с домом небольшой огород под зелень и овощи; так как почва была больше каменистая и малопригодная под хозяйственные нужды, на телегах с удаленных участков была натаскана плодородная земля и смешана со скудной. А через пару лет удалось наладить сообщение с другими, близлежащими вдоль берега селениями, что позволило установить торговлю, приносящую существенную прибыль всем жителям.

Ровно через три года после высадки людей на берег у Питера и Беатрисы Хеммес родилась долгожданная дочь, которую назвали в честь бабушки Беатрисы – Катариной. Она стала единственным ребенком у любящих и заботливых родителей, так как Беатриса, застудившись позднее зимой, более не могла зачать. Отец души не чаял в своей дочурке, обожал ее всем сердцем и потакал любым капризам, а мама не могла долго быть строгой с ней и всегда умилялась проделкам дочери. Девочка росла умницей и послушной, больше всего на свете она любила родителей и делала все, чтобы им угодить.

Но был и недоброжелатель у семьи Хеммес – Абель ван Клеве. Вместе с Питером Хеммесом и группой рыбаков Абель выходил в море. Но разлад прошел меж закадычными друзьями, когда Абель, подпавший во власть алчности, высказался за неравный раздел улова: он считал, что большая часть промысла должна доставаться главам поселения, а их было несколько человек, среди которых были Питер и Абель. Отец маленькой Катарини же напротив, всегда на равных делил улов, а присваивание себе большей доли посчитал делом постыдным и лишенным чести. Между друзьями вспыхнула ссора и они разошлись недругами. Со временем Абель стал верховным главой деревни и полностью контролировал рыбный промысел, отчего разбогател. Питер же вышел из управления и отдалился от промысла, выходя на своей лодке в одиночку.

Пересеклись пути бывших друзей снова, когда Катарина ходила в невестах. Девушка была юна, весела и прекрасна, а поэтому женихи постоянно вились неподалеку. Влюбился в нее и старший сын Абеля, и, несмотря на запрет отца, просил руки красавицы. Но, увы. Сердце Катарини уже занял юный рыбак Николас Флорис и девушка отказала незадачливому претенденту. Питер уважал мнение дочери и ее выбор, Николас понравился отцу девушки характером, смелостью и порядочностью, и не смотря на то, что парень был сиротой, вскоре была сыграна свадьба, после которой Катарина с мужем переехали в дом на отшибе селения, который юноша только отстроил, и это был самый лучший дом для влюбленных, несмотря на недостроенность и необустроенность быта новоиспеченной семьи. Абель же еще более возненавидел семейства Хеммес и Флорис и через многие года выплеснул злобу с лихвой.

Молодожены же зажили счастливо в своем уединенном домике, который с годами превратился в уютный, надежный, с аккуратным забором и обихожным огородиком. Но судьба снова решила испытать Катарину. Десять лет назад от эпидемии гриппа скончались обожаемые ею родители. Горю девушки не было предела и лишь Николасу удалось удержать разум любимой жены от надвигавшегося крушения. Спустя два года, после кончины родителей, у них родилась дочь, которую окрестили Анной, и в семью Флорис вновь возвратилось счастье.

Но все благополучие рухнуло, когда девочке исполнилось шесть лет. Николас вместе с другими рыбаками вышел на промысел, но погода резко ухудшилась, и налетевшей волной его и двух мужчин смыло за борт. Спасти никого не удалось, а тела сгинули в бушующем потоке. С того времени прошло два черных года для Катарини и ее дочки. При жизни отца и мужа старый Абель не осмеливался обижать женщину, но оставшись без поддержки родных, уже ничто не могло оградить несчастную от его накопленной ненависти и злобы. Особенно помутился разум старика после того, как скоропостижно скончался его старший сын и незадачливый жених Катарини, сгорев за одну ночь от таинственной лихорадки незадолго до появления Элен. В смерти своего первенца винил он дочь бывшего друга, ведьмой называл ее, и не было никого, кто бы мог его вразумить.

Катарина еще девочкой от матери научилась искусству травоведения и в совершенстве знала свойства всех растущих в этой местности растений. Но старый Абель ван Клеве настроил всю деревню против несчастной вдовы, выставив ее колдуньей. Люди, крестясь, обходили Катарину стороной, а если и обращались за помощью, то обычно под покровом ночи, чтоб не испортить репутацию. Единственный человек в деревне, кто не гнушался общества и дружбы травницы, была престарелая Мария Бриль. Жила она на другом конце деревни одна, так как ее единственные сын и внук пали жертвами того злосчастного гриппа, который унес жизни родителей Катарини. Вдова с дочерью постоянно навещали Марию, помогали по хозяйству, а та в свою очередь считала их за родных и любила.

Тяжело было жить Катарине, но она не жаловалась, у нее была дочь, ради которой она сражалась с жизнью каждый день. Одно лишь огорчало женщину: из-за негатива со стороны людей местные детишки не играли и не общались с ее дочкой, и это сказалось на маленькой Анне. Аннушка, так звала ее мать, росла замкнутым и тихим ребенком, хотя была очень доброй и отзывчивой девочкой. Любви и уважения к своей дочурке желала Катарина со стороны жителей деревни, лучшей доли хотела для дочери.

Вот что поведала женщина Элен пока они шли по тропе, усыпанной мелкой каменной крошкой, выйдя в лесной пролесок. По пути их обогнала небольшая группа рыбаков, спешащих домой с уловом. Мужчины в напряженном молчании обошли женщин, перекрестясь, и, не по-доброму пялясь на Элен, словно на чумную, а затем, прибавив шагу, быстро скрылись из виду.

Наконец, прошагав еще немного, в стороне от тропы на достаточном удалении показался дом травницы. По удобной дорожке, выложенной мелкой галькой и сокрытой от дороги травой ростом по колено, женщины подошли к домику. Это был небольшой, но добротный и крепкий на вид дом в один этаж высотой с вытянутым чердаком и окрашенный в темно-синий цвет; вокруг ограждением высился частый забор, поблекший от солнца и времени и давно нуждавшийся в покраске. Катарина распахнула калитку забора и пропустила вперед свою новую знакомую и в этот самый момент открылась дверь дома и оттуда вылетела навстречу маленькая девочка.

– Мамочка! Мамочка! – закричала тоненьким голосочком девочка, но увидев незнакомку, она остановилась, как вкопанная и замерла.

– Все в порядке, Аннушка, эту госпожу зовут Элен и ее не нужно бояться. – Улыбаясь, мать подошла к дочери и та прижалась к ней, обхватив ручонками за ноги.

Катарина ласково погладила дочь по пепельно-русым волосам, непослушным, выбившимся из двух маленьких косичек. Элен приветливо улыбнулась девочке и подмигнула, но та застенчиво спрятала лицо в юбке матери.

– Тебя долго не было. Я уж хотела идти за тобой, мамочка. – Тихо шептала Анна, уткнувшись в подол материнской юбки. – Я соскучилась.

– Дорогая, ты же знаешь, что я в это время всегда возвращаюсь домой. – Катарина нежно взяла ладонями детское личико, повернула вверх и, наклонившись, поцеловала лобик.

Девочка улыбнулась и счастливая обняла мать еще крепче, у Элен защемило в носу от такой картины.

– Аннушка, возьми у нашей гостьи корзину и отнеси ее на кухню. Я потом разберу ее. – Катарина погладила еще раз по голове дочь. – Не бойся ее, она не из деревни. Ничего плохого не сделает тебе.

Девочка недоверчиво глянула в сторону Элен и медленно отстранилась от матери. Девушка протянула корзинку, продолжая улыбаться, а Анна рывком схватила корзинку и побежала в дом, не оглядываясь.

– Не обижайся на нее, Элен. Слишком много ей досталось от местных. Слишком много одиночества для маленького ребенка. Слишком. Вот и растет дикаркой. Но пошли в дом. Сейчас будем ужин готовить.

У гостыи не нашлось ответа, все слова зажало тисками в горле.

Преодолев пару низеньких, но крепких ступенек, женщины прошли через широкую мощную дверь внутрь. Дом изнутри оказался на удивление прост. Сразу за входной дверью располагалась достаточно просторная кухня с высоким окном и внутренними ставнями; проход через кухню дальше в дом был сквозной и не имел двери, за ним располагались друг напротив друга две комнаты, которые служили спальнями для хозяйки и ее маленькой дочери. Напротив кухонного окна стоял массивный стол из темной древесины, испещренный за время службы царапинами от домашней утвари, за которым вполне могли усесться десять человек, не тесня друг друга. Как потом призналась хозяйка, они с мужем мечтали о большой семье, которая бы собиралась за этим столом, но Господь распорядился иначе.

На деревянном стуле стояла корзина с травами, которую поставила Анна, поспешно скрывшись в своей комнатке. Катарина любезно предложила свою комнату гостье в полное распоряжение. Элен была смущена такой добротой и открытостью, ведь в своем мире она очень редко видела такое проявление добра со стороны людей.

У горящего очага, обложенного ровными белыми камнями, позаимствованными когда-то с берега, величаво лежал большой черный кот и пристально взирал на каждого вошедшего в дом. Его нисколько не пугали искорки, вылетающие из мерно танцующих язычков пламени, он попросту их не замечал, как и то, с какой грацией в дымоход уходил сизый клубящийся дым.

– Какой кот! – Вырвалось у гостыи.

– Это наш Мистер Мурлыка. Так его Аннушка прозвала. Уж не знаю, где она нахвататься могла таких обращений, а уж услышать и подавно, ведь и не с кем ей особо то. Говорит, он сам ей имя подсказал. Маленькая фантазерка.

– А у вас здесь очень хорошо натоплено. – Гостыя поспешно стянула чепец и взъерошила вспотевшие волосы, вдова последовала ее примеру.

– Аннушка у нас ответственная за огонь в доме, когда я отлучаюсь по делам. Они с Мистром Мурлыкой поддерживают огонь. Кот несколько раз нас предупреждал, когда угли выкатывались на пол, а она помогает мне поддерживать пламя в очаге, подкидывает дрова. Иногда, правда, может перестараться, как сегодня. – Хозяйка подошла к запотевшему окну, по которому стекали маленькие ручейки влаги, и приоткрыла одну из створок, впуская вечернюю прохладу, взволновавшую очаговый дым и того, кто его сторожил. – Она у меня такая умница, самостоятельная и помощница. Моя маленькая гордость.

– А вы ее гордость.

Наскоро помыв руки, женщины приступили к приготовлению ужина: Элен вызвалась почистить и отварить картофель, Катарина сходила в огород за зеленью, потом спустилась в подпол и принесла оттуда засоленной рыбы, которую уложила в блюдо. Анна все-таки вернулась на кухню и резала хлеб, украдкой поглядывая с интересом на незнакомку. Когда картофель сварился, его размельчили ножом в кастрюле, смешали с маслом и зеленью и подали к столу в красивом темно-синем глубоком блюде с белыми звездами по окантовке. Хоть еда была проста и не прихотлива, у Элен потекли слюнки при одном виде легкого пара, исходящего от ароматной картошки.

Все трое уселись близко и Катарина с Анной склонили головы в благодарственной молитве. Затем был роздан хлеб и каждый брал из блюда себе картофеля, сколько желал. Тоже сделано было с рыбой, вкуснее которой Элен еще не ела. Кота тоже не забыли, в миску

было отложено достаточно рыбы и Мистер Мурлыка с кошачьим достоинством и благодарным урчанием, отужинал с людьми. Покончив с едой, Катарина разлила в изящные фарфоровые чашечки густой черный кофе, который сварился к тому времени. Элен пребывала в некоем блаженстве: сытный вкусный ужин, а теперь обволакивающий изнутри теплом кофе, словно колдовское зелье, погружали в расслабленное состояние покоя.

Делая маленькие глотки и смакуя на языке терпкий привкус божественного напитка, девушка рассказывала неторопливо хозяйке о своем доме, семье и стране. Катарина иногда перебивала ее и задавала много вопросов, но в целом беседа шла размеренно и плавно. Маленькая Анна уже не жалась около матери, а облокотившись о край стола, с жадным интересом ловила каждое слово гостыи, которой явно не боялась, а временами даже осмеливалась задавать вопросы и, получая на них ответы, то улыбалась, то удивленно открывала рот. И Элен ловила себя на мысли – как можно было не любить этого милого чистого ребенка с ясными светлыми глазами, с веснушчатым личиком, курносый носиком и задорными полураспустившимися косичками? Как?

Кот снова занял свое место у теплого очага, лег на живот и, подмяв под себя лапки, внимательно слушал гостью, не сводя с нее своих круглых желтых глаз. За долгой беседой было выпито немало кофе, но на дворе уже стояла глубокая ночь, девочка начала зевать, и, глядя на нее, у остальных глаза начали слипаться. Было решено идти спать.

– Мамочка, а ты мне сегодня расскажешь сказку?

– Я ее тебе завтра расскажу, малышка, сегодня у нас гостыи и сказки подождут.

– Если хочешь, я могу тебе рассказать одну сказку. – Предложила Элен, видя разочарование на детском личике. – Ее мне в детстве рассказывала сестра, сочинившая, кстати, специально для меня – непоседы, чтобы побыстрее меня усыпить и отчасти, потому, что она любила придумывать истории.

– А сейчас она придумывает сказки? – Девочка оживилась и буквально прильнула к колену рассказчицы.

– Нет, она повзрослела и ее воображение поменялось, оно стало другим. Ведь, чтобы быть сказочником, нужно суметь не повзрослеть и оставаться маленьким ребенком не смотря ни на какие испытания. Ей это не удалось.

– А тебе удалось?

– А сейчас мы это узнаем. Однажды в одном большом городе жила маленькая девочка. Ее звали Нелия...

Однажды в одном большом городе жила маленькая девочка. Ее звали Нелия. Семья, где жила девочка была очень бедной. Отец был рыбаком, а мать работала прачкой. У девочки были две старшие сестры и младший братик Нико, которого она обожала. С самого раннего детства Нелия не могла играть в игрушки, так как в семье всегда было мало денег, а была вынуждена помогать матери, как и ее старшие сестры.

И вот однажды в семье случилось несчастье. Маленький Нико очень тяжело заболел, а денег на лекарство не было. Родители каждый день уходили рано утром, а возвращались поздно вечером, чтобы заработать побольше денег для маленького сына. Но пришел самый мрачный день – отец потерял работу, а мать заболела, и деньги на лекарство закончились. Сестры и отец пытались искать работу, но им не особо везло, а то, что удавалось подзаработать, едва хватало на еду. А малютка Нико все болел и болел теперь уже вместе с мамой.

И тогда Нелия ушла из дома в поисках хоть какого-нибудь заработка: она помогала повару, работала портнихой, подметала, стирала, шила. Одним словом, работала там, где ее брали, ведь она была еще маленькой девочкой. Но вся эта работа плохо сказалась и на ней. Те немногие крохи, которые она заработала, она потратила на лекарства для братика и мамы. Лишь добрый повар ее подкармливал, жалея эту маленькую худенькую девочку, но Нелия

умудрялась часть угощения приносить домой, где все делилось на всех поровну. И вот после недели такой работы, она шла домой и упала, потому что ослабла от недосыпа и недоедания.

Так вот она упала и лежала, потому что сил встать у нее не было. И люди проходили мимо, им было все равно. Но, о чудо, чудеса и должны свершаться именно в такие моменты, как раз в это же время по этой же улице проезжал богатый экипаж, в котором ехал домой мальчик из богатой семьи со своей няней. Он увидел девочку и приказал остановиться. Вместе с няней они перенесли Нелию в экипаж и отвезли в роскошный особняк, в котором и жил мальчик. Девочку хорошо накормили и усадили у камина погреться. Она познакомилась со своим спасителем. Его звали Рени. Мальчик был сиротой, жил в большом доме и воспитывался няней. А его опекуном был дядя, который любил мальчика, как родного сына, но сам постоянно находился в разъездах.

Друзей у Рени не было, и девочка ему очень понравилась, а потому, он захотел помочь ее семье. Он взял с кухни огромную корзину, наполненную вкуснейшей едой, конечно, корзина оказалась слишком тяжела для маленького мальчика, а посему на помощь маленькому господину пришел его верный и надежный возничий, тот, что управлял хозяйским экипажем.

Так вот, поехал Рени вместе с Нелией к ней домой. Встретила его семья девочки недоверчиво поначалу, ведь он был богатым мальчиком, а, как известно, все богатые мальчики зазнайки и избалованы своими богатыми родителями. Но оказалось, что Рени, очень скромный и добрый, а еще и отзывчивый. Он каждый день приезжал навещать Нелию и ее больного братика, и привозил нужные лекарства.

И вскоре семья девочки полюбила его, а мама и вовсе называла его сыном. Нико поправился, да и мама тоже. И Рени забрал их жить в свой большой дом. Для отца Нелии нашли работу на рыболовном судне, старшие сестры пошли в школу, а Нелия и Рени теперь были неразлучными друзьями. Мальчик теперь был не одинок – у него появилась любящая и заботливая семья. Да, да. Рени любили не за его деньги, а за его доброе и отзывчивое сердце, хотя нашлось немало злых и завистливых языков, утверждавших обратное. Но ведь не каждый придет на помощь в трудную минуту, даже, если у него есть деньги, и не каждый ответит искренней любовью в ответ.

Вот так семья Нелии больше не знала голода и нужды и приобрела доброго и надежного друга, который нуждался в их любви.

– Повезло этой Нелии. Я бы тоже хотела, чтобы со мной кто-нибудь дружил, все равно кто.

– У тебя обязательно будут друзья, никогда не гони надежду из своего сердца и верь искренне, все придет в свое время, Аннушка. – Гостья подмигнула и озорно и легонько щелкнула пальцем по детскому носику, чем вызвала ответную не менее озорную улыбку.

– А они потом выросли и поженились? – Спросила девочка.

– Кто? Нелия и Рени? Вполне возможно. Продолжения не было у сказки.

– А вы придумайте продолжение, у вас точно получится.

– Аннушка, пора всем отдыхать, иди в кровать, я сейчас приду и причешу тебя перед сном. – Тут вмешалась Катарина и подтолкнула дочь к выходу из кухни.

– Спокойной ночи, госпожа... Элен. Добрых вам снов. – Девочка робко подошла к девушке и кивнула головой.

– Спокойной ночи, Аннушка. И тебе приятных сновидений. – Элен улыбнулась и слегка коснулась головы девочки кончиками пальцев. Та подняла голову и улыбнулась в ответ, а затем, шлепая по полу босыми ножками, убежала в комнатку.

– Я всегда ее на ночь причесываю. Моя мать в детстве мне также расчесывала волосы, и в такие минуты не было никого ближе нас двоих. Так и с Аннушкой у нас. Это своего рода ритуал перед сном.

Катарина встала из-за стола и пошла в комнату дочери. А Элен подошла к окну и залюбовалась яркой круглой Луной на ночном небе. Довольно скоро вернулась хозяйка и с улыбкой сообщила, что Аннушка в восторге от их гостыи и хочет, чтобы та пожила с ними хоть какое-то время. Элен не стала ничего обещать, но поблагодарила в ответ гостеприимную женщину.

Мистер Мурлыка потягиваясь, встал с нагретого местечка и неторопливо подошел к девушке. Обнюхав и, видимо, одоббив гостью, кот стал тереться о ноги и когда Элен присела снова на стул, то он запрыгнул к ней на колени и тут же свернулся клубком, урча от удовольствия.

– Ты очень понравилась Мистеру Мурлыке, а я тебе скажу, он особо никого не жалует, кроме старой Марии, ни кому не дает себя гладить, а тут просто идиллия какая-то. – Катарина усмехнулась и присела рядышком.

– Он у вас пушистое чудо, а как долго он живет с вами, Катарина? – Девушка с удовольствием запустила ладонь в длинную и мягкую шерсть кота, ощущая пальцами легкую вибрацию от утробного урчания животного.

– Два года он с нами, Элен, два тяжелых года. В ту ночь, когда мой Николас погиб и я, обезумев от горя, слонялась по берегу в слепой надежде отыскать его среди водорослей и ила, выбрасываемых океаном на камни, так вот, на самом рассвете, когда первые лучи утра рассеяли тьму, у одной коряги, обмотанной травой и водорослями, я его и нашла.

– Мужа?! – Воскликнула гостья.

– Нет, если бы... Кота. Он лежал и казалсядохлым, уж не знаю, как этот бедолага выжил, но ему явно повезло, что я наткнулась на него, иначе бы он там и помер, под той корягой. Мне стало жаль его, я отнесла его домой и выходила. Я думала, что если помогу этому несчастному существу, если спасу его, если он выживет, то может быть мой Николас тоже...

Катарина зажала рот ладонью, пытаясь утихомирить всплывшую боль, но Элен видела, как тяжело ей это дается.

– Я очень сочувствую вам, это слишком тяжелая утрата для жены и для дочери, простите, что снова вам напомнила о ней.

– Нет-нет, дорогая, все нормально, ты не причем, просто я все еще надеюсь, что он жив и может быть его, как и этого кота прибило куда-нибудь, и кто-то его также пригрел и спас. Я только на это и надеюсь. Нет ни тела, ни могилы. Остался только ветер.

– У вас есть дочь и этот кот, а еще ваша жизнь. А это несметное сокровище, поверьте.

– Ты права, милая. – Хозяйка улыбнулась. – Этот кот не так прост, он словно все, абсолютно все понимает, только сказать не может. Мистер Мурлыка наш защитник и талисман.

– Защитник?

– Эти люди, что живут в деревне, это же одни лицемеры! Они видят во мне лишь ведьму, дочь спесивого рыбака и вдову проклятого неудачника. Да-да, все это я слышала и слышу не раз, моя дорогая. Мой отец всегда говорил: Никогда никого не суди, никогда никого не оценивай, никогда ни на кого не оглядывайся. Может статься, что те, кто находится рядом с тобой, ровняются на тебя.

– Золотые слова, Катарина!

– Каждый человек приходит в этот мир на равных условиях и возможностях, понимаешь, мы все изначально равны, все! А потом начинается – ты с ней не общайся, она плохая, нечистая, обходи ее стороной. А потом что будет? Кинь в нее камень? Брось палку? Затрави, как собаку? Повесь на суку?!

Элен поддалась вперед и, обняв Катарину, прижала к себе, глядя по распущенным волосам, как обычно матери успокаивают своих детей, забирая каждым прикосновением боль и страх.

– А Мистер Мурлыка, он не пускает их в наш дом, он всегда оказывается рядом с маленькой или со мною, когда кто-то начинает угрожать расправой. Его почему-то люди боятся и

не смеют нас обижать. Но, Элен, я боюсь, что скоро и это перестанет их останавливать. Еще пройдет немного времени и их никто, понимаешь, никто не сможет остановить.

– А может вам с Анной просто переехать в другой город? Там вас не знают и не причинят вреда.

– Я не могу покинуть землю, в которой лежат мои родители и на которой я была хоть и недолго счастлива. Это моя родина и оставить ее я не смогу.

– Но надо думать и о ребенке, Катарина! У нее же нет будущего здесь! Среди этих людей!

– Я знаю и понимаю, но сила неодолимая меня держит здесь, корнями я опутана.

– Ладно, утро вечера мудренее, надо ложиться и отдыхать. – Заметила девушка.

– Ты права, дорогая, прости, что раскисла, действительно уже очень поздно и все устали.

Обе уже собирались расходиться по комнатам ко сну, как на улице послышался отдаленный странный шум, который насторожил и привлек их внимание. Недолго думая, женщины подошли к окну и, взглядываясь в темноту, напрягли все свое внимание и слух. Шум больше похожий на гул шел со стороны центра деревни и усиливался, перерастая в жужжание.

– Катарина, посмотри на Луну! Что это? Затмение? – Элен схватила за рукав женщину и поднятой вверх рукой указала на небо.

Желтый диск медленно заглывала черная тень с неровными краями и свет постепенно угасал.

– Что за чертовщина?! Я знаю, что такое затмение, но это не оно! Элен, это не оно! Это не Божье явление, а дьявольское! – Катарина перекрестилась трижды и стала читать вслух молитву.

Элен заметила в темноте маленькие огоньки, которые разрастались в количестве по всей деревне и странно прыгали. Она обратила на них внимание хозяйки и та, прервав свою молитву, замерла, всматриваясь в темень. Шум приближался в сторону их дома вместе с огоньками и вскоре в воздухе стали различаться слова.

– О, Боже! Это же люди с факелами идут. И они идут прямо к моему дому! Что случилось? – Катарина была напугана, ее ладони, нырнув в густые каштановые волосы, нервно гуляли по всей голове.

Казалось, что женщина хочет взбить прическу, если бы не вид испуганных глаз, в которых слились страх и беспокойство. Элен была напугана не меньше ее, с детства девушка боялась темноты и того, что могло из нее выйти. Она стояла рядом с Катариной, держась за ее руку, как бы ища защиты и поддержки. Мистер Мурлыка, давно перекочевавший на пол, нервно бегал по кухне с высоко задраным хвостом, его тоже происходящее волновало не меньше, чем женщин.

Луна полностью скрылась, и стало совсем темно и жутко. Но в темени женщины смогли различить движущиеся тени с огнями, приближавшиеся быстро к дому. Воздух наполнился криками множества людей, выкрикивающих ругательства, среди которых чаще всего повторялась одна фраза: «Смерть ведьме!».

– Нужно запереть все двери и окна! От этих людей только беда исходит. Не знаю, что нашло на них. Помоги мне, Элен. Помоги запереть дверь. Скорее! Даст Бог, и мы продержимся, выстоим! – Катарина бросилась к входной двери и стала задвигать тяжелый широкий засов.

Элен подбежала к ней и помогла подпереть дверь одним из стульев для дополнительной устойчивости. Дальше в быстром темпе женщины закрыли ставни и заложили их внушительным брусочным засовом. Люди уже окружили дом и прорывались через забор. В судорожной спешке женщины закрывали окна в спальнях и, напоследок, вспомнив про заднюю дверь,

закрыли ее на щеколду и подперли табуретом для верности. Больше ничего более внушительного в жилище не нашлось и оставалось надеяться на крепость стен и дверей.

Дом был окружен плотным кольцом разъяренных людей, с бешенством, изрыгающим из себя проклятия и обещания смерти. Входная дверь вдруг сотряслась от мощных ударов извне, и воздух разорвал голос мощный и властный:

– Ведьма, выходи сейчас же из своего проклятого дома! Вся деревня пришла тебя судить за дела твои мерзкие и черные. Вышло твое время, по чистой земле ходить, да богомерзкими делами промышлять. Выходи сейчас же!

От этого крика вздрогнули обе женщины, кот ошетинился, шерсть его встала дыбом и он, шипя и скалясь, встал у самой двери, готовясь принять на себя первого, кто осмелится пройти через порог; Катарина побледнела и прошептала осипшим голосом:

– Это старый Абель! Проклятый негодяй! Это он за дверью, жаждет моей крови. Все не уймется никак. Убирайся, Абель ван Клеве! Ты отлично знаешь, что я чиста перед Богом и людьми. Клеветник и вор! Это тебя нужно наказывать, а не меня, несчастную вдову, оставшуюся с дочерью один на один на произвол твоей алчности и бессердечности.

– Ах ты, чертовка! Не смей на меня скверну изрыгать из своих проклятых уст! Выходи и понеси суд людской и Божий! И пусть выйдет та, другая ведьма! Мы знаем, что у тебя за гостя. Она тоже дочь дьявола и должна понести наказание! – Дверь снова содрогнулась от мощных ударов.

– Ни за что! Будь ты проклят, старый маразматик! Настроил всю деревню против меня из-за ссоры с моим покойным отцом. Я никогда не шла против Бога, в отличие от тебя, вор! – Катарина выкрикивала, вкладывая в каждое слово силу мощностью камня.

– Тогда умри, мерзавка! Умри со своим отродьем! Смерть ей! Смерть ведьме! – Крик безумного старика перерос в противный визг фальцета.

В тот же миг дверь и окно на кухне содрогнулись от множества мощных ударов. Было очевидно, что нападающие вооружены не только факелами. Дробные залпы камней сотрясали стены, обдирали краску и вырывали щепы кусками. Женщины в страхе опрокинули тяжелый обеденный стол на бок столешницей в сторону окна и спрятались за него, как за спасательный щит. Из своей спальни, путаясь в белой ночнушке, пришла напуганная обрушившимися на дом ударами Анна, плача со сна и испуганно прижалась к матери. Теперь трое напуганных и сжавшихся людей притаились за столешницей и, стоявшая на полу рядом лампадка освещала бледные перекошенные страхом лица.

Элен неосознанно вцепилась дрожащими пальцами в край юбки Катарины, от каждого мощного удара извне адреналин толчками выплескивался в кровь, сердце бешено стучало, и неприятный комок страха застревал в горле, блокируя нормальный доступ кислорода в организм, вследствие чего, у нее началась нервная икота.

Окно стало поддаваться под ударами озверелой толпы и вслед за разбитой слюдой ставни затрещали и покрылись пробоинами, которые увеличивались с невероятной скоростью. Кот, не боясь быть покалеченным шальным камнем, подбежал к окну, пригнулся и угрожающе завыл.

– Люди! Опомнитесь! Что вы делаете?! Остановитесь! Умоляю вас, Богом Всевышним, опомнитесь! – Катарина сорвала голос, крича в прорываемое с улицы окно, но ее возглас угасал в общем шуме хаоса.

Наконец настал тот миг, когда ставни были выломаны полностью, и вместо аккуратного окна в стене зияла огромная дыра, в которую устремились многочисленные руки и показались первые головы, желающих поскорее проникнуть внутрь жилища для скорейшей расправы.

Катарина встала, спрятала дочь за спину и приготовилась защищать ее от нападающих теперь уже менее всего напоминающих людей, монстров своим телом. Лицо женщины было внешне спокойно, но глаза были влажны от проступающих слез и горели в отблеске лампы

устрашающе. Мистер Мурлыка еще громче зашипел и завыл и, выгнувшись всем телом, взлетел в воздух и вцепился клыками в первую попавшуюся руку.

– А! Снимите его с меня! Это чертов кот! Это ее кот! Кот ведьмы! Снимите его с меня! Он же мне руку отгрызет! Снимите. А! – Кто-то в панике отбежал и метался, безуспешно тряся рукой, на которой мертвой хваткой вгрызлся в мясо бесстрашный заступник Катарины.

– Чего ты с ним милуешься? Подпали зверюге хвост и делу конец! Давно хотел поджарить эту нечисть! Дай мне факел.

Но судя по всему, кот думал иначе, потому, как орать неожиданно стал тот второй, что просил огня. Мистер Мурлыка отпустив первую жертву, кинулся отважно на второго обидчика и острыми когтями царапал ему лицо, пытаясь выдрать глаза. Никто из людей не осмеливался более подходить близко к коту, а тот расправлялся с врагом всласть.

А Элен в состоянии, близком к отчаянию, огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что могло спасти жизнь и ее внимание остановилось на ряде небольших жестяных банок под специи, стоявших на полке. Недолго думая, девушка встала из-за стола и быстро побежала, сдерживая на ходу усиливающийся приступ икоты, к стене, на которой углядела банки, схватила первую попавшуюся на глаза, довольно увесистую и с размаху бросила в окно. Раздался глухой удар и кто-то, вскрикнув, освободил оконный проем.

Катарина тут же оказалась рядом с Элен, утерев рукавом глаза, ухватила другую банку и, швырнув ее в нападающих, тоже попала в цель. Воодушевленные надеждой, женщины хватили банки, затем другую кухонную утварь и бросали в тех, кто осмеливался лезть в окно. Дочери Катарина велела закрыть ладошками уши и сидеть тихо за столешницей. Дверь трещала, но пока выдерживала удары; было очевидно, что это ненадолго, да и «боеприпасы» уже заканчивались. Мистер Мурлыка вернулся через окно и прижимался к маленькой хозяйке, облизывая ее щеки.

Со свистом в помещение влетел факел и упал перед столешницей.

– Нужно его загасить! Вода! Там в углу стоит ведро с водой! – Катарина крикнула в общем шуме, пытаясь перекричать, и указала на ведро свободной рукой.

Элен, возбужденная схваткой, бросилась к ведру и, ухватив за ручку, быстро поднесла к факелу, от которого уже начинали загораться доски пола. Мгновенно перевернув ведро и обрушив из него всю воду на разраставшееся пламя, девушка со злостью швырнула ведро что есть мочи в обидчиков. Но тут же в окно залетели один за другим несколько факелов и перед женщинами предстала другая угроза – сгореть заживо.

Воды в доме больше не было, а колодец находился за домом в огороде, который был оккупирован обезумевшей толпой. Кухня, несмотря на выбитое окно, стала наполняться едким дымом. Катарина схватила дочь и выбежала из кухни, а Элен следом за ней вбежала в спальню хозяйки и, сорвав с кровати тяжелое покрывало, путаясь и спотыкаясь о его края, вернулась обратно. Девушка бросила на ближайший, валявшийся на полу факел покрывало и ногами сверху стала притопывать, пытаясь загасить огонь. Ранее она такого никогда не делала, но по рассказам знакомых и телевидению имела представление о тушении возгорания в домашних условиях. Ей удалось подавить огонь, и из под покрывала теперь источался едкий дым вместо острых и жалищих, смертоносных щупалец пламя. Приподняв за края, покрывало и задерживая дыхание, Элен перебросила его на следующий факел и стала проделывать те же действия, кот рядом подпрыгивал и лапками старался прибить маленькие искры. С улицы доносились крики, звучащие приговором троим беззащитным людям в доме:

– Сожжем ведьму и ее отродье! Стори проклятая! Всех сожжем и очистим деревню от скверны! Смерть ведьме! Смерть! Огня, дайте больше огня! Сжечь ее! Сжечь!

Катарина вернулась на кухню и застала Элен, тщетно пытавшуюся затушить пламя, которое уже разрослось и пожирало помещение. От едкого удушливого дыма высушило и разъедало глаза, а легкие, наполняясь отравой, пытались исторгнуть ее раздражающим грудную клетку

кашлем. Катарина схватила Элен за руку и выволокла из кухни. У задней двери стояла, сжавшись и вытирая слезы маленькая Анна.

– Нам негде спрятаться, Элен. Кухня уже горит, на крышу тоже кидают факелы, спальни загорятся с минуты на минуту, а вода на улице. В подполе нам не высидеть, воздуха не хватит надолго. Что делать нам? Моя маленькая Аннушка! Я должна ее спасти, мое дитя. – Катарина смотрела с отчаянием и болью то на Элен, то на дочь и в нерешительности, начала метаться из комнаты в комнату, обезумев.

– У нас нет выхода другого. Нужно выходить из дома через заднюю дверь. Держитесь сзади меня. – Элен отодвинула табурет от двери и сняла щеколду.

– Но они только этого и ждут. Они же выкуривают нас из дома, Элен!

– Пусть ждут, мы продадим себя очень дорого, и с нами супер-кот!

Только сейчас, взглянув на руки, она обратила внимание, что они почернели от копоти и обожжены в нескольких местах. Но это не имело значения, совсем не имело, никакого. Девушка наклонилась к коту и прошептала ему в насторожено поднятые ушки:

– Мистер Мурлыка, сейчас надежда только на тебя. Беги скорее и приведи сюда старую Марию Бриль. Только она сейчас может помочь. Откуда я это знаю? Понятия не имею! Беги, дружок! Мчись во весь опор. Наши жизни теперь в твоих лапках.

Взявшись за ножку табурета правой рукой, левой она рывком открыла настежь дверь и, выставив вперед на вытянутых руках табурет, шагнула на улицу, а кот пулей вылетел из дома и скрылся в ночи.

Катарина с Анной шли следом, плотно прижимаясь к спине девушки. Огонь, сожрав кухню, уже орудовал в спальнях и подбирался к задней двери, так что путь к отступлению был отрезан, а впереди плотным кольцом стояла безумная толпа. Элен размахивая табуретом и крича не своим голосом, врезалась в людей, требуя пропустить ее и идущих за ней погорельцев. Первые, кто попытался ее остановить, получили серьезные удары и с вскриками оставляли свои попытки.

Но силы были слишком неравны и первыми схватили Катарину с дочерью, а Элен кто-то ударил по рукам, отчего табурет выпал из рук и она тут же стала безоружной. Ее схватили сзади за руки, но она в отчаянной попытке пыталась вырваться и ногами отбивалась от стоявших рядом людей, тогда какой-то мужчина с затуманенными от безумия глазами ударил ее в лицо и живот. От дикой парализующей боли в животе девушка потеряла связь с реальностью на несколько минут. Она обмякла и провисла на руках, грубо державших ее, с уголка рта потекла теплая солоноватая жидкость, которую она признала, как кровь, приходя в сознание. Губы опухли, а порванная десна, принявшая весь удар, кровоточила.

Приподняв голову, Элен взглядом стала искать Катарину, перебегая по застывшим и перекошенным лицам жителей деревни. Скорее по крикам, она заметила свою недавнюю подругу, которая пыталась вырваться из плена и стремилась к дочери.

– Отпустите, люди! Опомнитесь! Я же вам ничего не сделала плохого. Кого вы слушаете? Пощадите моего ребенка. Моя дочь! Она не причем. Это невинный ребенок! Отпустите ее! Умоляю!– Кровь стекала тонкими струйками со лба обезумевшей женщины и, умывая глаза, бежала дальше.

Отчаяние и боль в этих глазах и еще мольба. Катарину били снова и снова, но она, как одержимая рвалась к своему ребенку, не обращая внимания на боль и удары. Анна кричала и плакала, не понимая людской злобы, протягивала к маме ручонки, но ее крепко держал высокий пожилой мужчина, для верности натянув на руку детские волосы.

– Ведите их в дом! Ведьму, ее отродье и эту мерзавку. Пусть сгорят в этом черном доме! Ведите их! – Пожилой мужчина первым сделал шаги к полыхавшему дому и, приподнимая от земли девочку за горло, потащил ее в огонь.

– Нет! Нет! Не делайте этого Абель! Только не моя девочка! Отпустите ее, умоляю! Нет! Меня убейте, но сохраните ей жизнь! Она невиновна!

Катарина отчаянно вырывалась, но ее крепко держали, волоча следом за стариком. Элен почувствовала, что ее тоже повели, и стала упираться изо всех оставшихся сил, но сильными болезненными толчками в спину ее заставили идти вперед.

Пламя уже вырывалось из дома отовсюду, это была огромная полыхающая плаха, неистовующая в ночи. Жар, исходящий от дома нестерпимо обжигал лица и руки, не давая дышать.

«Неужели это конец? Нет! Нет! Нет!». – Пронеслось в голове Элен. Такая злоба на людей поднялась в ней, что она не обращая внимания на удары, стала кричать и извиваться, пытаясь вырваться и спастись.

– Отпустите их немедленно! Абель, старый ты сукин сын, что ж ты наделал? Прикажи людям немедленно отпустить женщин! – На старческий женский голос, из которого исходила непонятная власть, обернулись все.

Со стороны деревни подошла маленькая сухонькая старушка, державшаяся, однако, прямо и с вызовом смотревшая на старика.

– Это чистое безумие, люди! Что с вами стряслось! Я же вас знаю, как облупленных, вы и пальцем никого не тронете. Зачем вы обижаете безвинную вдову и ее дочь? Никак затмение сошло на вас, как и на Светлую Луну. Немедленно опомнитесь и отпустите их.

На мгновение воцарилось молчание, но старик прикрикнул на толпу и снова поволок свою жертву к пламени. Мария Бриль, а это была именно она, воздела вверх руки и стала напевать странные слова на незнакомом Элен языке. И вот когда песнопение перешло из мелодичного звучания в пронзительный крик произошло самое настоящее чудо: с Луны медленно сошла та странная тень и очищенная от тьмы, она снова засияла теплым светом.

Люди, словно очнувшись от тяжелого похмелья, стояли, в недоумении уставившись на горящий дом и потирая глаза, словно не веря происходившему. Женщин они отпустили и, пряча от стыда глаза, быстро скрылись, уходя обратно по домам. Старый Абель был единственный, кто не сожалел о происшедшем, но ему пришлось выпустить из цепких рук маленькую Анну под горящим взглядом Марии; ему здесь делать было уже нечего и, злобно глянув в сторону Катарина, глава деревни ушел в темноту.

– Больше вам бояться нечего, милая. Темная сила ушла туда, откуда пришла. И не вернется более. Просчитался старый Абель, не ту ведьму выбрал. – Мария подошла к женщине, стоявшей на коленях, крепко обнимавшей и захлеб целовавшей свою дочь. – Все позади, Катарина. Все позади.

Катарина благодарно посмотрела на спасительницу мокрыми от слез, но счастливыми глазами. Мария смотрела на мать с дочерью с нежностью и улыбкой, у ее ног, важно задрвав голову вверх, прохаживался Мистер Мурлыка.

– Этот плут проскочил через незапертое окно и вцепился в подол моей юбки! Спросонья я не сразу поняла, что он от меня хотел, а уж потом, подойдя к окну, куда собственно этот Мистер меня и тащил, увидела пламя. Я сразу поняла, что нехорошие дела творятся на отшибе и моим девочкам нужна помощь. Так что мы с этим господином поспели как смогли, года уже не те, чтобы мне, как молодой лошадке галопом скакать. Слава Всевышнему, мы успели.

– Вы даже не представляете, как вы быстро бегаєте, Мария! Вы еще ничего для пожилой леди. – Элен пожалала руку старушке.

– Я еще и не то могу. – Хихикнула Мария Бриль.

– Дорогая, вставайте и идемте ко мне в дом. Там умоетесь, переоденетесь. Одежду для вас я найду. Останетесь у меня жить. Вы мне давно родными стали и что скрывать, люблю я вас. – Мария Бриль положила Катарине на голову свою сухонькую старческую ладонь и с

любовью гладила по растрепанным волосам. Вдова осторожно взяла эту ладонь в свои руки и поднесла к губам.

– Это великая честь для нас. Для меня и моей дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.